

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ВНОВЬ О КАТЫНИ

(70-летие катынского расстрела — как ложка дёгтя к юбилею Великой Победы)

*Затевая спор настоящего с прошлым,
мы обнаружим, что потеряли будущее.*
У. Черчилль

До 65-й годовщины Великой Победы советского народа над фашизмом осталось немного времени. В этот день Россия отдаёт дань памяти павшим героям и жертвам войны, чествует ветеранов, отстоявших свободу и независимость нашей Родины.

К сожалению, в этом году праздник “со слезами на глазах” может быть серьёзно омрачён событиями и мероприятиями, связанными с 70-летием расстрела польских офицеров в Катынском лесу. Казалось бы, эти две вышеупомянутые даты не могут быть противопоставлены друг другу. Поляки, как и россияне, имеют полное право достойно почтить память своих погибших соотечественников. Если бы...

Вот об этом **“если бы...”** следует поговорить особо, так как польско-российское катынское противостояние входит в завершающую фазу, которая для России может иметь весьма неприятные последствия. Суть в том, что, с одной стороны, катынское преступление **перешло под международную юрисдикцию**, а с другой — предпринимаются попытки **путём договорённостей в “верхах” тихо “закрыть” Катынское дело**, оставив единственным виновником катынской трагедии СССР и Россию как его правопреемника.

В этой связи к теме Катыни необходимо вернуться ещё раз. Напомним, что материалы о катынском преступлении были опубликованы в № 2 и 4 за 2007 год журнала “Наш современник”. В декабре 2007 года была издана книга “Тайна Катыни”.

Катынское дело

Прежде всего напомним историю Катынского дела. Это необходимо, поскольку попытки российского, как в своё время советского, руководства достойно разрешить польско-российское катынское противостояние окончились неудачей.

Сутью Катынского дела является трагическая судьба 21,5 тысячи польских офицеров, полицейских чиновников, взятых в плен и арестованных на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году. С весны 1940 года об их судьбе не было ничего известно до тех пор, пока 13 апреля 1943 года “Радио Берлина” не сообщило, что под Смоленском в катынском лесу (точнее, в урочище Козьи Горы) были обнаружены захоронения **десяти тысяч польских офицеров**, якобы расстрелянных большевиками весной 1940 года.

В ходе немецкой эксгумации 1943 года в катынских захоронениях были обнаружены останки **четырёх с небольшим тысяч польских военнослужащих и гражданских лиц**. Тем не менее **катынское преступление** стало общим определением судьбы **21 857** польских военнопленных и гражданских лиц, пропавших без вести на территории СССР во время Второй мировой войны.

В январе 1944 года в освобождённых от нацистов Козьих Горах работала специальная советская комиссия под руководством академика Н. Н. Бурденко. Её выводы гласили: польские военнопленные летом 1941 года находились в трёх лагерях “особого назначения” под Смоленском и были захвачены немцами. Осенью того же года они были расстреляны в катынском лесу “*немецко-фашистскими палачами*”.

Следует признать, что комиссия Бурденко работала поспешно и не вполне досконально исследовала ситуацию. Так, советские судебно-медицинские эксперты утверждали, что в катынских захоронениях общее количество останков польских военнопленных составляет **11 тысяч**. Однако действий, подтверждающих эту цифру, не было предпринято ни в 1944 году, ни позднее.

*Примечание. Сегодня на мемориальных плитах Польского военного кладбища в Катыни установлена **4071** табличка с именами жертв. Всего же, по утверждению польской стороны, достоверно установлены фамилии **4411 из 4421** погибших польских офицеров из Козельского лагеря НКВД. Почему имена 340 жертв так и не были увековечены поляками, остаётся загадкой.*

Попытка советской стороны в 1946 году закрепить выводы комиссии Бурденко решением Нюрнбергского трибунала не имела успеха. “Синдром победителей” оказал плохую услугу советским обвинителям, которые небрежно подготовились к заседанию трибунала. Обвинение по катынскому преступлению было составлено с формальными ошибками. Допрос немецких обвиняемых в зале суда советские прокуроры фактически провалили. В итоге “катынский эпизод” **был исключён** из текста окончательного приговора Нюрнбергского трибунала.

К сожалению, надлежащие выводы из этого провала советским руководством не были сделаны. Версия о вине нацистов за расстрел польских военнопленных в части доказательной базы по-прежнему считалась безупречной и господствовала в социалистическом лагере до 1988 года. Тогда польские историки, члены Комиссии советских и польских учёных по истории взаимоотношений между двумя странами, проанализировав доказательства и выводы комиссии Бурденко, объявили их “несостоятельными”. И вновь советское руководство, уже во главе с Горбачёвым, **не сочло нужным отреагировать на доводы польских историков**, хотя Горбачёв ещё в июле 1986 года, после визита в Польшу, на Политбюро ЦК КПСС заявил, что “придётся разобрататься с Катынью”.

В конце 1980-х годов усиление политического влияния “Солидарности” в Польше и начало польско-советского противостояния заставило руководство СССР обратить внимание на катынскую проблему. В фондах Особого архива разрешили работать трём советским историкам. Под нажимом главы польского государства генерала Войцеха Ярузельского, без серьёзного дополнительного расследования, только на основании косвенных доказательств и не вполне корректных гипотез этих историков, Горбачёв дал команду опубликовать **13 апреля 1990 г. заявление ТАСС**. В нём признавалась ответственность “за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных. Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что оно представляет одно из тяжких преступлений сталинизма”.

Это заявление было поспешным и недостаточно обоснованным, так как в тот период в советских архивах хранились документы, подтверждающие **причастность нацистов** к расстрелу польских офицеров. Тогда они “не интересовали” ни политиков, ни историков. Однако недавно об одном из них стало известно. 28 мая 2009 года сопредседатель Группы по сложным вопросам российско-польских отношений, ректор МГИМО, академик РАН Анатолий Торкунов в Кракове дал интервью РИА “Новости” и польской “Газете Выборчей”. Он заявил, что из военного архива ему прислали материалы, которые “не отрицают, что польские офицеры стали жертвами сталинских репрессий, но говорят о том, что, возможно, **какая-то часть офицеров была уничтожена немцами**”. Но далее Торкунов сделал поистине ошеломляющий вывод: “**Я не считаю, что это меняет что-то в корне, нюансы не меняют сути**”.

Вывод господина Торкунова по сути не менее циничен, чем заявление Парламентской Ассамблеи ОБСЕ летом 2009 года о тождестве нацизма и сталин-

ского режима. В данном случае Торкунов фактически выступает с позиций адвоката нацистов, обеляя их участие в катынском преступлении. Заметим, что это позиция человека, который на общественно-государственном уровне **представляет Россию** в историческом споре с Польшей. В этой связи становится ясно, почему Россия в дискуссиях с бывшими союзниками по соцлагерю постоянно находится в позиции оправдывающейся и извиняющейся стороны.

Заявление Торкунова в России осталось без внимания. Если бы польский председатель Группы по сложным вопросам Адам Ротфельд подобным образом признал или даже попытался признать вину Польши за гибель десятков тысяч пленных красноармейцев в 1919–1921 годах, то скандал в Польше был бы грандиозным. Надо полагать, что возглавлять польскую часть Группы Ротфельд больше не смог бы.

Добавим, что факты причастности немцев к расстрелу польских офицеров не единичны и их нельзя оценивать, как **“нюансы”**. В июне 2009 года по запросу депутата Государственной Думы Виктора Илюхина Центральная экспертная комиссия Министерства обороны РФ рассекретила два архивных документа, содержащие **сведения о причастности немецких военнослужащих к расстрелу польских офицеров в Катынском лесу**. Сколько подобных документов ещё скрыто в российских архивах, остаётся только догадываться.

В этой связи следует напомнить, что в мае 2006 года депутат Государственной Думы Андрей Савельев обратился в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ с просьбой рассекретить и предоставить архивную копию протокола допроса немецкого военнопленного, **принимавшего осенью 1941 года личное участие в расстреле польских граждан в Катыни** (фонд д. 35, оп. 11280, д. 798, л. 175).

Помимо этого депутат запросил копии советских и трофейных немецких разведывательных аэрофотоснимков районов **возможного базирования лагерей “особого назначения” НКВД под Смоленском периода Великой Отечественной войны**. Однако “экспертная комиссия” МО РФ, оценив документы по Катынскому делу, находящиеся на хранении в ЦАМО, **“сделала заключение о нецелесообразности их рассекречивания”**.

До сих пор документы, способные прояснить ситуацию в Катынском деле, засекречены. Это более чем странно, так как сверхсекретные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР о катынском преступлении, обнаруженные в “закрытом пакете № 1” “Особой папки” ЦК КПСС, обнародованы осенью 1992 года. Возникает вопрос, **почему засекречены менее важные документы о Катыни?** Ответ напрашивается только один. Видимо, они **противоречат официальной версии катынского преступления и вышеназванным сверхсекретным документам**.

Документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР однозначно “подтверждали” вину довоенного руководства СССР в совершении катынского преступления. Заметим, что история обнаружения этих документов вплоть до последнего времени была покрыта густой завесой лжи. Подробнее об этом позже. А в 1992 году “внезапно”, но весьма своевременно обнаруженные катынские документы из “закрытого пакета № 1” были предоставлены в Конституционный суд как доказательство “бесчеловечной сущности” КПСС. Тогда же они были переданы польской стороне, которая не преминула использовать их в качестве повода для новой антироссийской кампании.

Президент России Б. Ельцин в августе 1993 года сделал новый шаг к примирению с Польшей. Он возложил венок к памятнику жертвам Катыни на варшавском кладбище Повонзки и попросил у поляков прощения за катынское преступление. С этого момента считается, что в “Катынском деле” всё предельно “ясно”.

Расследование уголовного дела № 159 **“О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД в апреле – мае 1940 г.”** (так называемого Катынского дела) велось следственной бригадой Главной военной прокуратуры РФ в соответствии с официальным мнением, озвученным вначале Президентом Горбачёвым, а впоследствии Президентом Ельциным. Оно длилось в течение 14 лет, с 1990-го по 2004 год. В сентябре 2004 года дело № 159 было прекращено “за смертью виновных”.

Согласно выводам Главной военной прокуратуры РФ в событиях 1940 года отсутствует факт геноцида, однако **“имели место общеуголовные преступ-**

ления, связанные с отдачей незаконных приказов, а также превышением должностных полномочий лицами высокого ранга”. Из 183 томов этого дела 116 томов были засекречены и оказались недоступными польской стороне.

Польшу итоги российского расследования не удовлетворили. Она обособленно требовала **рассекречивания** материалов катынского уголовного дела № 159 и настаивала на признании расстрела польских военнослужащих **геноцидом и публичном озвучивании фамилий виновных**. Польские родственники погибших офицеров также требовали **реабилитации** конкретных военнопленных как жертв политических репрессий и возобновления расследования в рамках уголовного дела № 159 событий 1940 года.

Однако российская Фемида, как в “добрые советские времена”, в течение трёх лет занимала глухую оборону и на все польские иски отвечала **отказом**. Польша в ответ стремилась передать расследование Катынского дела под международную юрисдикцию. После того как 29 декабря 2008 года военная коллегия Верховного суда РФ **признала законным** прекращение уголовного дела № 159 о массовых убийствах пленных польских офицеров в 1940 году, поляки **получили право** обратиться в Европейский суд по правам человека в Страсбурге.

Заметим, что о подобном развитии ситуации неоднократно писалось в российских СМИ. Однако проблемы в России, как правило, замечаются лишь тогда, когда “грянет гром”. В нашей ситуации грома осталось не так долго ждать.

Российское и европейское правосудие

Впервые 70 родственников погибших в Катыни польских офицеров обратились в Европейский суд в апреле 2006 года. Вопрос стоял о ненадлежащем расследовании Россией катынского преступления.

Однако Европейский суд принимает к рассмотрению частные иски лишь в том случае, когда истцы проходят всю вертикаль национального правосудия. Как выше говорилось, польские родственники предприняли такие попытки, обратившись к российскому правосудию. Но они оказались безуспешными. Поэтому в конце ноября 2009 года Европейский суд **принял к рассмотрению иски** семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в годы Второй мировой войны в Катыни. Рассмотрению этих исков был придан **приоритетный статус**.

В этой связи Европейский суд незамедлительно обратился к России с рядом вопросов. В частности, о сокрытии постановления о прекращении следствия по катынскому преступлению, об эффективности, а точнее – о справедливом и надлежащем разбирательстве по делу, о том, были ли родственники допущены к ознакомлению с имеющимися материалами, и т. д. Ответить на эти вопросы России следует **до 19 марта 2010 года**.

Естественно, российским военным прокурорам придётся приоткрыть завесу секретности, окутывающую оставшиеся 113 томов уголовного дела № 159. Полагать, что там скрывается нечто сенсационное, наивно. По всей вероятности, это набор документов, показаний, свидетельств, фактов и статистики, подтверждающих версию о безусловной виновности довоенного советского руководства. Европейский суд это вполне устроит. Однако более чем вероятно, что даже по одному формальному мотиву (родственники были лишены возможности ознакомиться с материалами расследования) суд может признать 14-летнее расследование № 159 дела несправедливым и ненадлежащим. Кстати, о таком повороте в Катынском деле ещё **в июне 2008 года** писал английский “The Economist”.

Свою победу в суде польская сторона сумеет довести до логического конца. Разговоры о том, что поляки готовы удовлетвориться моральной компенсацией, не более чем слова. Польша всегда двигалась к поставленной цели “шаг за шагом” и, когда чаша весов клонилась на её сторону, действовала жёстко и решительно. За последние 40 лет она неоднократно предъявляла к СССР и России претензии материально-финансового плана.

В этой связи зададимся двумя вопросами. Удовлетворится ли польская сторона, в случае положительного решения Европейского суда, **моральным аспектом Катынского дела**? Что помешает родственникам погибших поль-

ских офицеров и репрессированным полякам **предъявить финансовые претензии к России?** Тут счёт может пойти на миллиарды евро. Напомним, что ещё в ноябре 2006 года польский Президент Лех Качиньский заявил, что отношения с Москвой должны быть *“такими, чтобы они Польше что-то приносили”*.

Да и польский премьер Дональд Туск в июне 2008 года после встречи с членами Группы по сложным вопросам недвусмысленно заявил, что *“в течение нескольких месяцев мы будем иметь возможность представить первые сообщения о конкретных решениях по наиболее трудным историческим вопросам, таким, как Катынь – и с юридической и с финансовой точек зрения”*.

Заявления российских политиков о том, что от России можно получить только *“дохлого осла уши”*, не аргумент для Европейского суда и Евросоюза. В случае необходимости будут **арестованы активы РФ за рубежом, которые пойдут на компенсации полякам**. Претензии небезызвестной фирмы “Noga” к России по сравнению с теми компенсациями, которые может определить польским истцам Европейский суд, покажутся просто смешными.

Тем не менее самым страшным для России является моральная сторона Катынского дела, бросающая тень на победу СССР над нацизмом. Учитывая невероятную поспешность, с которой Европейский суд начал рассматривать иски поляков, весьма вероятно, что **оглашение вердикта по этим искам будет приурочено к кануну 65-й годовщины Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне**. Напомним антисоветскую и антироссийскую вакханалию накануне празднования 60-й годовщины праздника Победы. Можно не сомневаться, что накал антироссийских страстей в 2010 году существенно превзойдёт 2005 год.

Политическая ситуация в Европе благоприятствует этому. Как уже говорилось, летом 2009 года депутаты ПА ОБСЕ приняли резолюцию о тождестве нацизма и сталинского режима, что позволяет ставить вопрос о **равной ответственности Германии и СССР** за начало Второй мировой войны. Без сомнения, в канун 65-й годовщины Победы в Европе будет активно насаждаться мнение о том, что Россия, как правопреемник *“преступного” СССР, не имеет морального права праздновать Победу*.

Расследование по указке “сверху”

Оставим европейское правосудие и поговорим о российском расследовании уголовного дела № 159. Существуют ли мотивы считать официальную версию Катынского дела **неполной и частично ошибочной**? Если да, то насколько эти мотивы **обоснованы**?

В этой связи следует рассказать об итогах встречи автора статьи с военными прокурорами, занимавшимися уголовным делом № 159: генерал-майором юстиции Валерием Кондратовым и полковником юстиции Сергеем Шаламаевым. Встреча состоялась **30 марта 2006 года** в помещении Главной военной прокуратуры РФ (ГВП). В ходе непродолжительной двухчасовой беседы удалось выяснить следующее.

Следственной бригаде ГВП с самого начала было предписано проводить расследование Катынского уголовного дела в жёстких временных рамках, ограничиваясь только событиями, происходившими с **марта по май 1940 года**. В этой связи версия о причастности немецких оккупационных войск к расстрелу поляков в катынском лесу осенью 1941 года вообще не рассматривалась. Прорабатывалась только версия о безусловной вине руководства СССР в катынском расстреле. Попытка следователей увязать факт расстрела части польских офицеров с их участием в военных преступлениях в 1919–1920 годах была пресечена сверху.

Кстати, один из бывших руководителей следственной бригады по Катынскому делу старший военный прокурор Анатолий Яблоков в статье **“Винным назначен Берия”** (Новая газета, 22.04.2009) пишет о том, что в начале 90-х годов **“прокуроры были заняты лишь оформлением политической воли руководства страны”**. И хотя Яблоков писал о порядке реабилитации репрессированных, несомненно, подобный подход к рассмотрению дел в ГВП в то время был повсеместным.

За основу доказательной базы уголовного дела № 159 были положены результаты польского расследования катынского преступления. Это подтвер-

ждает содержание заключения комиссии экспертов Главной военной прокуратуры, работавшей в ГВП в 1992–1993 гг. Сопоставляя итоги встречи в ГВП с обширной информацией о судьбе польских военнопленных, находящейся в научном обороте, можно сделать вывод о том, что следствие по уголовному делу № 159 **не установило всех реальных виновников** катынского преступления и **не выявило в полном объеме обстоятельства и места гибели** на территории бывшего СССР в период Второй мировой войны **значительной части польских военнопленных**. В этой связи позволю изложить предположения об обстоятельствах гибели польских военнопленных в 1940–1941 годах.

По некоторым данным, органы НКВД в 1939–1940 гг. **расстреляли около 3 200** граждан бывшей Польши: генералов, офицеров, полицейских, чиновников и др., вина которых в совершении воинских и уголовных преступлений была доказана. Часть польских офицеров осенью 1941 года в катынском лесу **расстреляли нацисты**, другая часть **погибла по различным причинам в лагерях НКВД** в период войны, **часть пленных поляков выжила**, но в Польше о них предпочитают говорить, как о катынских жертвах.

Однако сторонники официальной версии утверждают – окончательную точку в Катынском деле поставили сверхсекретные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР из “закрытого пакета № 1”. Согласно этим документам **21 857 польских военнопленных и граждан** были расстреляны сотрудниками НКВД весной 1940 года. Как установило следствие, местами их захоронений являются: урочище Козьи Горы близ посёлка Катынь под Смоленском (Катынский лес), спецкладбище Калининского УНКВД “Медное” под Тверью (бывшим Калинин) и спецкладбище Харьковского УНКВД “Пятихатки” (лесопарковая зона Харькова). Места захоронений польских граждан, расстрелянных в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не установлены.

Кремлёвские документы для российских прокуроров являются базовым свидетельством **единоличной вины** довоенного советского руководства в гибели польских военнопленных. Об этом свидетельствует ответ Главной военной прокуратуры РФ на обращение уже упомянутого депутата А. Савельева к Генеральному прокурору РФ Ю. Чайке от 22 ноября 2006 г., в котором был поставлен вопрос о **возобновлении расследования** уголовного дела № 159 по вновь открывшимся обстоятельствам.

В ответе Главной военной прокуратуры РФ было сказано, что поскольку **“подлинность документов Политбюро ЦК ВКП(б) по Катыни, приобщённых к материалам этого дела, не вызывает сомнения”**, то возобновление следствия по уголовному делу № 159 **“нецелесообразно”**. Аналогичный ответ на своё обращение к Президенту РФ из ГВП в июле 2008 года получил и я.

Казалось бы, катынские документы, хранившиеся в “святая святых” – в “закрытом пакете” “Особой папки” архива Политбюро ЦК КПСС, не могут подлежать сомнению. С этим можно было бы согласиться, если бы не были известны **вопиющие нарушения при хранении этих документов и невероятные ошибки в их оформлении и содержании**.

Заметим, что доктор исторических наук Инесса Сергеевна Яжборовская, одна из авторов книги **“Катынский синдром”**, считает, что в кремлёвских катынских документах присутствуют лишь **небольшие неточности: “там то не так, это не так”**. А в целом, по её мнению, это **детали**, в которых **“любят копаться любители”**. Кстати, о деталях. Известно выражение “дьявол кроется в деталях”. Это верно, так как благодаря “деталям” были раскрыты многие громкие преступления.

Ну, а теперь познакомим читателей с тем, как ориентируются **мэтры истории** в “деталях” катынского преступления. 9 августа 2009 года г-жа Яжборовская на радиостанции “Эхо Москвы” поведала, как в Твери (Калинине) весной 1940 года расстреливали польских полицейских. По её словам, после опроса жертвы в “Ленинской” комнате ей предлагали выйти в другую дверь, за которой **сразу же** начинался подвал, где жертве стреляли в голову.

В этом рассказе есть одна неувязка. “Ленинская” комната в Калининском УНКВД, как выяснилось, в 1940 году была расположена на втором этаже здания и **не могла иметь дверь, ведущую в подвал** (на самом деле на подвал, а цокольный полуподвал, в котором находилась внутренняя тюрьма НКВД и расстрельное помещение). От “Ленинской” комнаты расстрельное помещение отделяли два лестничных марша и коридор. Ошибку Яжборовской можно было бы простить, если бы вышеупомянутая **деталь** не меняла в корне всю картину расстрела в Калининне.

К сожалению, Инесса Сергеевна не единственная из специалистов по Катыни допускает при изложении обстоятельств Катынского дела досадные ошибки. Без тени смущения некоторые историки рассказывают **невероятные вещи** о порядке хранения особо секретных документов в архиве ЦК КПСС, о взаимоотношениях в Политбюро ЦК КПСС и т. д.

А теперь пора обратиться непосредственно к катынским документам.

Зыбкая надёжность катынских документов

Ключевым документом, подтверждающим вину довоенного советского руководства в расстреле поляков, считается 4-страничная записка наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии Сталину за № 794/Б от “__” марта 1940 года из “закрытого пакета № 1”. Эта записка одновременно является подлинником решения Политбюро ЦК ВКП(б) П13/144-оп от 5 марта 1940 года о расстреле **25 700** пленных и арестованных польских граждан.

В записке Берии присутствует немало несуразностей и ошибок. Но ключевой ошибкой является **отсутствие даты**. Само по себе это не является чем-то исключительным. Известны записки НКВД, в которых дата проставлена рукой Берии. Возможно, на записке № 794/Б просто забыли поставить дату. Бывало и такое. Правда, не с документами такой важности. В нашем случае ситуацию усугубляет то, что записка датирована **мартом без указания числа**, а в секретариате НКВД СССР она была зарегистрирована **29 февраля 1940 года**.

В этой ситуации записку № 794/Б по формальным признакам следует считать **подложной**. Согласно официальной регистрации Сталину была направлена записка № 794/Б от **29 февраля 1940 г.** Фактически он “получил” (как утверждается) записку № 794/Б, отправленную в **марте 1940 г.**, без указания конкретного числа. Ни один нотариус, ни один суд не признают записку Берии, датированную мартом, достоверной. Представьте себе паспорт гражданина, заполненный с ошибками, в котором датой выдачи значится март, а в записях отдела внутренних дел указано, что этот паспорт выдан в феврале. Паспорт будет признан недействительным.

Для руководителя секретариата центрального аппарата НКВД СССР Степана Мамулова **ошибки**, допущенные при регистрации записки № 794/Б, должны были стать **роковыми**. Выявление первой ошибки (отсутствие даты) неизбежно влекло выявление второй (регистрацию другим месяцем). Но ничего подобного не произошло.

Известно, что все документы, направляемые Сталину, проходили обработку его личным секретарём Александром Поскрёбышевым. Получив записку для Сталина без даты, Поскрёбышев **непрерывно уточнил бы дату** в секретариате НКВД. Если бы выяснилось, что записка была зарегистрирована **февралём**, а датирована **мартом**, то последствия для Мамулова были бы печальными.

Мог ли Мамулов совершить подобную ошибку? Судя по его биографии – нет. Мамулов до НКВД долгое время работал в партийных органах и прекрасно знал о наказании за ошибки, которые носят признаки **подлога документа государственной важности**. Степан Соломонович в должности начальника секретариата НКВД–МВД СССР успешно проработал с 1939-го по 1946 год, регулярно получая **поощрения и звания**. Сведения о каких-либо взысканиях Мамулова в этот период отсутствуют.

Ситуация с датой на записке Берии весьма наглядно характеризует подход историков-катыноведов и военных прокуроров к документальным свидетельствам Катынского дела. Датировку записки Берии **“не позднее 3 марта 1940 г.”** в 1990-х годах осуществила главный российский “катыновед” Наталья Лебедева. Она исходила из содержащихся в тексте записки статистических данных о численности военнопленных поляков в спецлагерях НКВД, которые соответствовали состоянию на 2 марта.

Между тем для **точного установления** даты регистрации записки № 794/Б достаточно было установить исходящие даты **предыдущей и последующей корреспонденции**, отправленных в 1940 году из секретариата НКВД. Эту простую, но длительную по времени процедуру в 2004 году осуществил мой соавтор по книге “Тайна Катыни”, координатор международного проекта “Правда о Катыни” Сергей Стрыгин.

В результате поисков в архивах и запросов в Управление регистрации и архивных фондов ФСБ РФ удалось выяснить, что письмом Берии за **“№ 793/Б”** было зарегистрировано в секретариате НКВД **29 февраля 1940 года** (РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 621, лл. 86–90). Этой же датой было зарегистрировано письмо за **“№ 795/Б”**. Естественно, что **записка № 794/Б могла быть зарегистрирована только 29 февраля**. Более подробно об этой ситуации рассказано в книге “Тайна Катыни”.

Датировка записки не позднее 3 марта 1940 заставила катынцеведов придумать невероятную цепь событий, связанных с направлением записки Сталину. Якобы Берия задержал записку для того, чтобы внести в неё самые свежие статданные. А чтобы не нарушать сроки представления материалов на Политбюро ЦК ВКП(б), записку зарегистрировали февралём. 5 марта 1940 года Берия якобы лично передал записку Сталину.

Подобные рассуждения абсолютно некомпетентны. Более того, они показывают, как легко в Катынском деле рождались мифы, подтверждающие официальную версию. Установлено, что Берия в период с **28 февраля и по 6 марта 1940 г. не был у Сталина**. Не участвовал он и в заседании Политбюро **5 марта**, когда принималось решение по полякам.

Заметим также, что Поскрёбышев, для лучшего восприятия Сталиным текста, размечал его разноцветными карандашами. Красным карандашом **отмечались** наиболее важные места в документах, синим – количественные данные и места, требующие внимания. Архивные документы, адресованные Сталину, так и пестрят разноцветными пометками Поскрёбышева.

Но в таком важном документе, как записка Берии № 794/Б, содержащем массу цифр, имеются всего две пометки Поскрёбышева. На 3-й странице сверху тёмно-синим карандашом написана прописная русская буква “П”, а фраза **“Предложить НКВД СССР”** подчёркнута красным. Ни одна из цифр записки не помечена цветным карандашом, хотя в них допущены грубейшие ошибки.

Так, в резолютивной части записки предлагалось расстрелять на **36 военнопленных поляков меньше и на 315 арестованных больше**, нежели было указано в пояснительной части. Трудно поверить, что подобные вещи Поскрёбышев не заметил. Он хорошо знал, что Сталин не терпел неточностей в документах. Уже упомянутый Хрулёв писал, что он **“давал Сталину тысячи документов на подпись, но, готовя эти документы, за каждой буквой следил...”**.

К вышесказанному следует добавить факт **перепечатывания отдельных страниц** записки № 794/Б. Причём одна страница перепечатывалась на другой машинке. Заметим, что небольшую по объёму записку Берии опытная машинистка могла перепечатать за 15 минут. Поэтому перепечатывание отдельных страниц **было лишено всякого смысла**, а для документов такого уровня это попросту **недопустимо**.

Ситуацию с запиской № 794/Б ещё более запутывает информация бывшего Президента СССР Михаила Горбачёва. В своих мемуарах **“Жизнь и реформы”** он пишет о записке Берии, которую он обнаружил в декабре 1991 года, вскрыв **“закрытый пакет № 1”**. Горбачёв утверждает, что последняя часть записки была **“отчёркнута, а сверху написано синим карандашом Сталина: “Постановление Политбюро”. И подписи: “За – Сталин, Молотов, Ворошилов...”**.

Пакет с этой запиской Берии и другими катынскими документами Горбачёв 24 декабря 1991 года, предварительно прочитав её вслух, передал Ельцину. Вторично на “свет” катынские документы были извлечены в 1992 году. Однако в записке Берии, обнаруженной в 1992 году, сталинский отчерк и запись синим карандашом **“Постановление Политбюро”**, о чём писал Горбачёв, **отсутствовали**. Подписи также следовали в другом порядке: **“За – Сталин, Ворошилов, Молотов...”**. Вдобавок на последней, четвёртой странице записки почерком Сталина синим карандашом была зачёркнута фамилия Берии и вместо неё вписана фамилия Кобулова, заместителя Берии.

Возможно, Горбачёв в своих воспоминаниях что-то напутал, или же он видел другую **записку Берии?! В этой связи вполне обоснованно возникают сомнения в достоверности записки № 794/Б, найденной в 1992 году**. Эти сомнения укрепляет реальная история нахождения кремлёвских документов. **Официально** считается, что **“закрытый пакет № 1”**, в котором находилась записка Берии и документы Политбюро ЦК ВКП(б), был обнаружен 24 сентября

1992 года в Архиве Президента РФ (бывшем Архиве ЦК КПСС) комиссией в составе руководителя президентской администрации Ю. Петрова, советника Президента Д. Волкогонова, главного архивиста РФ Р. Пихоя и директора Архива А. Короткова. Вскрыв пакет, члены комиссии поняли важность найденных документов и **немедленно доложили** о них Президенту. Ельцин *“распорядился, чтобы Рудольф Пихоя, как главный архивист России, вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе”* (Катынский синдром. М., РОССПЭН, 2001, с. 397).

15 октября 2009 года депутат Госдумы Андрей Макаров на заседании “круглого стола” **“Фальсификация истории и исторические мифы, как инструмент современной политики”** рассказал реальную историю обнаружения катынских документов. Они действительно были обнаружены в сентябре 1992 года в период процесса над КПСС, но не в Архиве, а **в личном сейфе Ельцина**. Макаров рассказал, что он (вероятнее всего, с Шахраем) пришёл к Ельцину. *“Мы и говорим: Борис Николаевич, фигово идёт процесс по делу КПСС. Он открыл сейф, чтобы было просто понятно, как это происходит, достал оттуда 6 папок и сказал: ладно, берите. Мы смотрим при нём, что это такое. Он две отобрал обратно и говорит: нет, сегодня об этом ещё рано говорить. Вот я случайно увидел название, о чём, волосы дыбом встают. А ведь в стране об этом пока вообще больше никто не знает. А вот проблема в том, что одной из тех папок, которые легли, была Катень”* (“Наше время”, № 139 от 26 октября – 01 ноября 2009 г.).

В этом рассказе вызывает сомнение только то, что Макаров увидел папку с названием “Катень”. Этого не могло быть, так как ни на папке, ни на “закрытом пакете” не было надписей, имеющих отношение к Катynie. Для того чтобы узнать о катынских документах, следовало вскрыть не только папку, но и “закрытый пакет”. Абсолютно ясно, что “закрытый пакет № 1” Макаров вскрыл в кабинете Ельцина.

Известно, что врать о том или ином событии начинают лишь при желании скрыть какую-то неприятную правду. В нашем случае информация о том, что “закрытый пакет” почти год хранился у Ельцина, заставляет поставить неприятный вопрос. **Почему Ельцин не передал катынские документы польскому Президенту Леху Валенсе 21 мая 1992 года, когда тот находился в Москве с официальным визитом?**

Несомненно, Валенса при личной встрече с Борисом Николаевичем вопрос о Катynie поднимал. Для поляков эта проблема в отношениях с Россией всегда была первостепенной важности. Но, видимо, тогда Ельцин обошёлся общими рассуждениями и о катынских документах в своём сейфе промолчал.

Но уже в сентябре 1992 года Борис Николаевич **первым делом** дал команду направить катынские документы в Варшаву. **А что мешало ему сделать это ещё в мае того же года?** Хочешь, не хочешь, а приходится прислушиваться к тем исследователям, которые утверждают, что **документы были “в работе” и их не успели надлежащим образом “оформить”**.

Ситуация несколько прояснилась после того, как известный российский историк Юрий Жуков **в мае 2008 года** на радиостанции “Серебряный дождь” сообщил, что в начале 1990-х годов в связи с процессом по “делу КПСС” он запросил в Архиве Президента РФ материалы о так называемой “преступной” деятельности КПСС.

Ему вручили “тоненькую папочку”, внутри которой среди других документов Ю. Жуков обнаружил ксерокопию **“записки Берии Сталину” на одном листе**. В ней предлагалось **расстрелять две или три тысячи** пленных польских офицеров, виновных в военных и других преступлениях. В известной сегодня **четырёхстраничной** “записке Берии”, обнаруженной в 1992 году, предлагается **расстрелять 25 700** пленных и арестованных поляков.

Объяснения типа, что по вопросу расстрела поляков Берия направил Сталину одну за другой **две записки**, просто не серьёзные. В КПСС, а ранее в ВКП(б) существовала практика. По вопросам, имеющим государственное значение и требующих решения “наверху”, происходило **обязательное** предварительное устное согласование. Поэтому **согласованные предложения и просьбы в Кремль готовились в окончательном варианте**. Более того, **инициатива принятия решения по пленным полякам могла исходить только от Сталина**. Он дал указание Берии подготовить записку. В этом случае о двух записках не может быть и речи.

Несомненно, Жуков видел и держал в руках ксерокопию **подлинной** записки Берии Сталину № 794/Б от 29 февраля 1940 года. Свидетельство Юрия Николаевича имеет дополнительное подтверждение. В декабре 2007 года мне довелось встретиться с Галкиным Виктором Ефимовичем, сотрудником Общего отдела ЦК КПСС, работавшим с “закрытым пакетом № 1” по Катynie. Галкин рассказал, что в **апреле 1981 года** по поручению заведующего Общим отделом ЦК КПСС К. Черненко он доставлял записку Берии из “закрытого пакета № 1” тогдашнему председателю КГБ Ю. Андропову. Запись об этом событии есть на папке, в которой находился “закрытый пакет № 1”.

Галкин утверждал, что записка Берии, которую он возил Андропову, была напечатана **на одном листе** и в ней говорилось **о расстреле примерно 2–3 тысяч польских офицеров**. Он видел её в кабинете Черненко. После того как Константин Устинович вскрыл “закрытый пакет № 1”, он поручил Галкину законвертировать (то есть вложить в конверт и заклеить) записку. Относительно **четырёхстраничной записки** Берии (точнее, её цифрового цветного скана) Галкин заявил, что подобного документа не видел и не помнит.

В тот момент я с сомнением отнёсся к заявлению Виктора Ефимовича, полагая, что он спутал записку с выпиской из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., которая напечатана на одном листе. И лишь после заявления Жукова понял, что **память Галкина не подвела**. Более определённо высказаться о записке Берии № 794/Б можно будет высказаться только после независимой и объективной экспертизы.

Экспертизы ждут и другие документы из “закрытого пакета № 1”. С **серьёзными нарушениями** оформлены выписки с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. На выписке для “Тов. Берия” отсутствует печать ЦК и оттиск факсимиле с подписью Сталина. Фактически это не документ, а простая информационная копия. Направление исполнителю **независимой** выписки без печати Центрального Комитета противоречило элементарным правилам работы аппарата ЦК. Почему же именно **копия** хранилась в “закрытом пакете”?

Вопросы возникают и после ознакомления с выпиской из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., направленной в феврале 1959 года Председателю КГБ Александру Шелепину. Этот экземпляр также был отпечатан в марте 1940 года. Но в 1959 году **с него удалили дату “5 марта 1940 г.” и фамилию старого адресата**, после чего впечатали новую дату 27 февраля 1959 г. и фамилию Шелепина. В итоге получилась **выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1959 года**.

Уродливый бюрократический гибрид, проходящий как выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1959 года, документом считаться не может, так как в **феврале 1959 года** вместо ВКП(б) была КПСС, а вместо Политбюро высшим партийным органом был Президиум ЦК КПСС. По всем канонам партийного делопроизводства дата и фамилия адресата указывались **только в сопроводительном письме, но не на архивном документе!**

Важнейшим подтверждением факта расстрела сотрудниками НКВД в 1940 году 21 857 польских граждан считается **записка** Председателя КГБ Александра Шелепина Первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву за № 632-ш от 3 марта 1959 года. Однако записка содержит многочисленные неточности и явные ошибки о местах расстрела поляков, составе расстрелянных, о международном признании выводов комиссии Бурденко и т. п.

Трудно поверить, что автор записки (Шелепин не был автором, он её лишь подписал) обладал **объективной и достоверной информацией** относительно обстоятельств расстрела польских граждан. Известно, что в НКВД и КГБ СССР было запрещено говорить о Катынском деле. Но, как всегда, в аппарате “слухи ходили”. Создаётся впечатление, что часть информации об обстоятельствах расстрела поляков в записке Шелепина была почерпнута из этих слухов.

Вызывает недоумение следующий факт. Согласно решению Политбюро надлежало расстрелять 25 700 польских граждан, а в записке Шелепина говорится о расстреле только 21 857 человек. О судьбе 3 843 поляков, избежавших расстрела, в записке вообще не упоминается. В то же время в СССР частичное выполнение решения Политбюро приравнивалось **к невыполнению и строго наказывалось**.

Несмотря на вышеизложенные факты, кремлёвские документы признаны **надёжными** историческими документами. В этой связи следует сформулировать нелицеприятный для российского следствия вопрос: **каким образом в 1992 году в Кремле были проведены почерковедческая и криминалистическая экспертизы, которые, подтвердив “подлинность” кремлёвских документов, оставили без внимания все имеющиеся в них грубейшие ошибки и неточности?**

Помимо этого возникает вопрос к историкам — сторонникам официальной версии. Почему до сих пор никто не **них не дал вразумительного и исчерпывающего ответа относительно ошибок и несуразностей, присутствующих в исторических документах?**

Невероятные показания

Доводы по поводу сомнительности кремлёвских катынских документов сторонники официальной версии пытаются опровергнуть, ссылаясь на свидетелей. При этом называют фамилии бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д. Токарева, бывшего председателя КГБ А. Шелепина и др.

Показания 89-летнего генерала КГБ в запасе Дмитрия Токарева во время допроса, состоявшегося 20 марта 1991 года, следователь ГВП Анатолий Яблочков охарактеризовал как **“бесценные и подробные”**, позволившие **“детально раскрыть механизм массового уничтожения более 6 тысяч польских граждан в УНКВД по Калининской области”**.

Токарев на допросе рассказал о процедуре **поимённого, индивидуального расстрела польских полицейских в 1940 году**. По его словам, каждую жертву выводили из камеры внутренней тюрьмы. Допрос и сковывание жертвы наручниками производились в упомянутой “Ленинской” комнате (которая в 1940 году находилась **на втором этаже здания**). Потом вновь возвращали в полуподвал, где в небольшой камере расстреливали. Пройти свой путь внутри здания областного управления НКВД жертва **не могла быстрее 5–6 минут**. У нас этот путь беглым шагом **занял 4 мин**. Телегруппа из аналитической программы “Посткриптум” времени затратила гораздо **больше**.

При таком раскладе времени на одну жертву ясно, что утверждение Токарева о расстреле в единственной камере за тёмное время суток 250 человек — **ложно**. Следует заметить, что если бы “Ленинская” комната даже и находилась в помещении внутренней тюрьмы НКВД (что исключено статусом этого помещения), то время на описанную Токаревым процедуру расстрела одной жертвы должно было составить около 4 минут. И в этом случае показания Токарева о расстреле 250 человек за ночь также не реальны.

Кстати, Токарев мог утверждать, что за ночь в тюрьме расстреливали 250 человек, и ему бы поверили, если бы не его уточнения о процедуре расстрела. Известны случаи, когда за ночь расстреливали и большее количество жертв. Токарев же, как бы специально, закладывал в свои показания информацию, которая в случае проведения простейшего следственного эксперимента, позволяла признать его показания ложными.

Нереальность утверждений Токарева о расстреле 6 тысяч польских полицейских можно объяснить только одним. 89-летний генерал-чекист, пытаясь обеспечить себе спокойное доживание в начавшее “смутное” время, предпочёл рассказать следователям ГВП то, что они хотели услышать.

Всего же во внутренней тюрьме Калининского УНКВД (ориентировочно с 5 апреля по 17 мая 1940 года), по словам Токарева, было расстреляно 6 295 человек. Без сомнения, **какая-то часть** представителей польских полицейских и карательных органов, виновных в преступлениях, весной 1940 года в Калинин **была расстреляна**. Но полагать, что их было более 6 тысяч, сомнительно. Сомнения в этом утверждении укрепляют два следующих факта.

Во-первых, на спецкладбище НКВД “Медное”, где, по официальной версии, захоронено польские полицейские, до войны было захоронено около 5 тысяч репрессированных советских людей. Это установили в 1995 году активисты тверского “Мемориала” совместно с сотрудниками областного управления ФСБ. Однако останки репрессированных советских граждан в “Медном” так и не были найдены, хотя мемориальная доска этому посвящена.

Польские археологи в 1991 году утверждали, что на спецкладбище “Медное” они **не обнаружили** ни одного “советского” захоронения. Были выявле-

ны только 25 польских захоронений, в которых покоятся останки 6311 польских полицейских. К такому же выводу пришли и специалисты Тверского УФСБ, проводившие в 1995 году зондажные бурения в “Медном”. Однако существуют неопровержимые доказательства, что репрессированных советских людей захоранивали именно в “Медном”. Их останки не могли испариться.

Возникает подозрение, что в “Медном” произошла та же история, что и в киевской Быковне. Там во время эксгумации польских захоронений в 2001-м и 2006 году **150–270 расстрелянных в 1940 году поляков стараниями польских политиков и археологов превратились в 3500**. Благо, что количество останков репрессированных советских граждан позволяло это сделать. О скандале в Быковне 11 ноября 2006 года писал киевский еженедельник **“Зеркало недели”**.

Во-вторых, в Российском государственном военном архиве российским исследователем Геннадием Спаськовым был обнаружен отчёт 155 полка войск НКВД по охране Беломорско-Балтийского канала. В нём сообщалось, что в январе 1941 года в лагерь “около 2-го шлюза” прибыл этап с “заключёнными из западных областей Белорусской и Украинской ССР, исключительно бывшие полицейские”. Известно, что абсолютное большинство **бывших польских полицейских из западных областей** (не считая содержавшихся в тюрьмах) были размещены именно в Осташковском лагере НКВД.

Вероятность того, что в район Беломорско-Балтийского канала были привезены полицейские из Осташковского лагеря, избежавшие расстрела, весьма велика. Проверить это не удаётся, так как архивные материалы Маткожненского лагеря, в котором, вероятнее всего, были размещены вышеназванные польские полицейские, в российских архивах **странным образом “отсутствуют”**.

О том, что в 1940 году не все польские служители закона из Осташковского лагеря были расстреляны, свидетельствуют научные сотрудники мемориального комплекса “Медное”. По их словам, последний этап в количестве 8 человек, называемый “полковничьим”, направленный 19 мая из Осташковского лагеря в Калинин и считающийся расстрелянным, на самом деле остался жив. Но на эту тему сотрудники “Медного” распространяться не любят, так как причиной такого развития событий явилась банальная “вербовка” высокопоставленных польских полицейских сотрудниками НКВД.

Примечание. Этапы из Осташковского лагеря направлялись в Калинин с 5 апреля по 13 мая 1940 года. По данным начальника Осташковского лагеря Борисовца, на 17 мая в Калинин было направлено 6229 человек.

Однако вернёмся к свидетелям по катынскому уголовному делу № 159. Бывший руководитель следственной бригады и бывший старший военный прокурор Анатолий Яблоков в ходатайстве в Басманный суд от 2 сентября 2009 года утверждает, что **подлинность кремлёвских документов** из “закрытого пакета” подтвердил в ходе допроса бывший Председатель КГБ Александр Шелепин (**“Он лично допрашивал Шелепина и Судоплатова. И за это отвечает”**). Новая газета. 02.09.2009). В данном случае Яблоков лукавит. Шелепин мог подтвердить лишь подлинность своей записки, которую он направил Хрущёву 3 марта 1959 года.

Да и в отношении записки у Шелепина возникли сомнения. Не случайно он требовал у Яблокова оригинал записки. Но тот на допрос-беседу принёс только копию. Не вызывает сомнений, что российское следствие преувеличило роль Шелепина в уголовном деле № 159, как бывшего главы КГБ. На самом деле Катынское дело Шелепина интересовало только с точки зрения обеспечения секретности и ненанесения ущерба престижу СССР. Не случайно он заявил Яблокову, что знает о преступлении в Катини “только то, что сообщалось в газетах”.

Примечание. Ко времени назначения Шелепина председателем КГБ (декабрь 1958 года) версия об ответственности Сталина и его окружения за расстрел всех польских офицеров уже имела место. К этому времени Хрущёв сумел обвинить Сталина во всех мыслимых преступлениях.

О “ценности” показаний Шелепина свидетельствует следующий факт. Во время допроса Шелепин рассказал следователю ГВП Яблокову совершенно **невероятную историю** о порядке получения из Архива ЦК КПСС выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) с решением от 5 марта 1940 года. **Якобы эту выписку ему принёс какой-то сотрудник аппарата КГБ! Этого не могло быть ни при каких обстоятельствах!**

Для получения документа из “Особой папки” Политбюро ЦК КПСС требовалось получить **разрешение непосредственно у Первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва**. Документ из “Особой папки” или “закрытого пакета” в запечатанном виде доставлял **лично адресату только спецкурьер ЦК КПСС**. Он же после прочтения забирал документ (в запечатанном виде) и доставлял его обратно в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС (Архив КПСС). Вышесказанное позволяет утверждать, что порядок хранения и работы с документами “Особой папки” российские военные прокуроры полностью так и **не уяснили**.

Для иллюстрации об этом порядке напомним ситуацию, произошедшую в 1989 году с членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС Александром Яковлевым. Он, не добившись внятного ответа от Горбачёва по поводу катынских документов, решил по собственной инициативе выяснить, хранятся ли они в VI секторе (Архиве) Общего отдела ЦК КПСС. Ему однозначно ответили – такие документы отсутствуют. Без санкции генсека работники Общего отдела не имели права об этих документах говорить **даже с членами Политбюро**.

Трудно поверить, что Шелепин забыл этот порядок. Вероятно, старый чекист решил проверить **компетентность военного прокурора** и в соответствии с этим выстроил свои весьма уклончивые показания. Поэтому ценность информации, сообщенной Шелепиным военному прокурору Яковлеву в декабре 1992 года, сомнительна.

Дабы не утомлять читателя, не будем касаться противоречий в показаниях других свидетелей по уголовному делу № 159. О них рассказано в книге “Тайна Катыни”.

Добавим, что военные прокуроры проигнорировали свидетельство Алексея Лукина, бывшего начальника связи 136-го отдельного конвойного батальона конвойных войск НКВД, летом 1941 года охранявшего Катынский лагерь с находившимися в нём польскими военнопленными. Рассказ Лукина журналисту Владимиру Абариннову о том, как он **в июле 1941 года** участвовал в попытке эвакуации поляков из Катынского лагеря, **2 мая 1990 года** зафиксировала на видеокамеру группа редактора польского телевидения Анджея Минко.

Бывший курсант Смоленского стрелково-пулемётного училища, ныне полковник в отставке Илья Кривой в своём заявлении в Главную военную прокуратуру РФ от 24 октября 2004 года подробно описал встречи **летом 1940 года и в начале лета 1941 года** с подконвойными военнопленными польскими офицерами и солдатами. Это было под Смоленском. Заявлению Кривого в ГВП также не был дан ход.

Дело Гитлера–Гebbельса живёт?

Особо следует сказать о немецкой эксгумации катынских захоронений весной 1943 года. Советское руководство, признав в 1990 году вину НКВД за расстрел польских офицеров в катынском лесу, тем самым согласилось с точкой зрения польских историков о том, что выводы комиссии академика Бурденко являются, мягко говоря, несостоятельными.

Увы, господствующая ныне версия катынского преступления в значительной мере базируется на результатах эксгумации, осуществлённой в Катыни в марте–июне 1943 года немецкими экспертами при участии специалистов Технической комиссии Польского Красного Креста.

Видимо, не случайно **13 марта 1943 года** Гитлер прилетал в Смоленск. Там он встречался с начальником отдела пропаганды вермахта полковником Хассо фон Веделем, офицеры которого, на основании февральских частичных раскопок польских захоронений в Козьих Горах, готовили первичные пропагандистские материалы по Катынскому делу. **После этой встречи “добро” на акцию “Катынское дело” было дано.**

Уже **6 апреля 1943 года** на совещании у Гebbельса в министерстве имперской пропаганды акцентировался вопрос **“привлечения членов польского Красного Креста под немецким контролем”** при идентификации расстрелянных в катынском лесу поляков.

Контроль за ходом эксгумации в Катыни осуществлялся тремя ведомствами: немецкой тайной полевой полицией, Главным управлением имперской пропаганды и военной разведкой группы армий “Центр”. Эти ведомства практически ежедневно посылали отчёты в Берлин. Но **ни один советский,**

а впоследствии и российский историк так и не удосужился побывать в немецких архивах. Не интересует это и поляков.

Вызывает удивление, что первую значительную “экскурсию” польских представителей и зарубежных журналистов по Козьим Горам 17 апреля 1943 года провёл лично начальник разведки группы армий “Центр” полковник **Рудольф фон Герсдорф**. Он же отвечал на вопросы журналистов. И он в 1942 году заявил командиру дислоцированного в районе Козьих Гор 537 полка связи вермахта Фридриху Аренсу, что **знает всё о расположенных там захоронениях.** Об этом полковник **Аренс говорил на заседании Нюрнбергского трибунала, но советский прокурор Смирнов не обратил на это внимания.**

Сегодня с большой степенью вероятности можно утверждать, что большинство польских офицеров в Козьих Горах были расстреляны нацистами. Поэтому в 1943 году немецкие эксперты, пытаясь скрыть преступление в катынском лесу, проводили эксгумацию с вопиющими нарушениями, позволяющими им осуществлять манипуляции с останками польских военнопленных и обнаруженными на них вещественными свидетельствами.

Сопоставление свидетельств очевидцев, посетивших Катынь весной 1943 года, и немецких эксгумационных записей позволяет сделать вывод о том, что **реальные даты вскрытия катынских захоронений существенно отличались от официальных.** Так, немецкие эксперты утверждали, что к 17 апреля было **идентифицировано 420 трупов** и раскопки захоронений находились в начальной стадии. Однако бывший бургомистр Смоленска адвокат Борис Меньшагин, отличавшийся великолепной памятью, в своих воспоминаниях, изданных в 1988 году в Париже, утверждал, что **18 апреля 1943 г.** он видел в Козьих Горах **около пяти – пяти с половиной тысячи трупов**, в том числе и останки двух польских генералов Мечислава Сморовиньского и Бронислава Бохатеревича.

Ситуацию в Козьих Горах на 18 апреля 1943 года Меньшагин описывал так: *“Немножко проехали и увидели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы”.* Ничего подобного польские и иностранные экскурсанты за день до этого, 17 апреля, не видели. Вероятно, экскурсию фон Герсдорф провёл по определённому маршруту, а его подчинённые обеспечили, чтобы экскурсанты не отклонялись от этого маршрута. Как видим, загадок немецкой эксгумации в Катыни более чем достаточно.

К вышесказанному добавим, что под номерами 1 и 2 в немецком эксгумационном списке значатся польские генералы: Сморовиньский и Бохатеревич, эксгумированные не позднее 8 апреля 1943 года. Если согласиться, что польских генералов расстреляли сотрудники НКВД, то их останки должны были находиться в могиле № 1 на глубине примерно 3 метров, **в восьмом или девятом слое останков**, считая сверху. Но немцы утверждали, что извлекли их в числе первых (как будто знали, где они захоронены).

Ещё одна загадка связана с формированием немецкого эксгумационного списка. Недавно стало известно, как немцы устанавливали фамилии некоторых катынских жертв. Об этом в 2006 году в своих **“Воспоминаниях и размышлениях”** рассказал известный польский юрист профессор Ремигиуш Бежанек (Bierzanek, Remigjusz). Он числился в списках катынских жертв **под № 1105**, но после войны прожил в Польше долгую жизнь.

Бежанек писал, что весной 1943 года в польской печати появились сообщения о находке массовых польских захоронений в Катыни и были названы фамилии первых эксгумированных жертв. Польские семьи, у которых родственники попали в советский плен, стали обращаться в отделения Польского Красного Креста (ПКК) с просьбой выяснить, нет ли сведений об их близких.

Вскоре польские подпольщики заметили странную особенность. В ряде случаев, после обращения в Красный Крест, фамилия искомого человека через какое-то время появлялась в списке катынских жертв. Подпольщики решили проверить это предположение. Они направились в местное отделение ПКК и сообщили там фамилию Бежанека, как военнопленного, находящегося в СССР. В итоге фамилия Р. Бежанека вскоре **появилась** в списках катынских жертв.

Это далеко не полный перечень странностей, происходивших в период немецкой эксгумации в Катыни. Добавим, что в катынском лесу при расстреле польских офицеров использовалось немецкое оружие и боеприпасы, что

80% жертв укладывались в выкопанные, “под линейку”, рвы с чисто немецкой аккуратностью, слоями “валетом”, т. е. “голова-ноги” и т. п. Полагаю, сказанного достаточно для того, чтобы поставить под сомнение итоги немецкой эксгумации 1943 года.

Давайте жить дружно

Изложенные выше факты и свидетельства показывают, что у России существует серьёзная возможность существенно снизить катынское противостояние, **переведя его в плоскость совместного российско-польского конструктивного расследования катынского преступления**. Однако российское руководство пытается продолжить советскую практику умиротворения соседей, реализуя призыв кота Леопольда “Ребята, давайте жить дружно!”

При этом российская сторона делает вид, что катынская тема в польско-российских отношениях исчерпана, и предлагает польской стороне без повода её не упоминать. Поляки вроде бы соглашаются, но свою политику давления на Россию не меняют. В этой ситуации позиция российского МИДа, состоящая в том, что **“историю следует оставить историкам”, абсолютно неконструктивна**. Подобный подход мог быть эффективен только в случае отсутствия по поводу исторических событий XX века **огромного количества политических оценок и решений, заложниками которых, в первую очередь, являются историки**.

Для России сугубо “исторический подход” к спорным проблемам чреват негативными последствиями, так как в этом случае российским историкам будут противостоять оппоненты, опирающиеся на силу законов и государственных структур других государств. Например, в Литве на законодательном уровне введена **уголовная ответственность за сомнения в “советской агрессии в 1940 году” и “отрицание советского геноцида”**. Какой литовский историк после этого попытается разобрататься в этих проблемах? Он просто обязан отстаивать их “с пеной у рта”.

В Польше также приняты законы, предусматривающие уголовную ответственность **за отрицание преступлений нацизма и коммунизма и за использование нацистской и коммунистической символики**. Помимо этого и в Литве и в Польше существует такой **диктат общепринятого общественного мнения, что он может быть сопоставим с репрессивными мерами**.

Немало необоснованных политических оценок и решений в отношении истории советского периода было принято под занавес перестройки в СССР и в России в ельцинский период. Пока эти оценки и решения не будут пересмотрены, российские историки будут их заложниками.

В определённой мере ситуацию в России по отношению к историческим проблемам характеризует работа совместной Группы по сложным вопросам истории польско-российских отношений. Эта Группа является преемником ранее упомянутой Комиссии советских и польских учёных по истории взаимоотношений между СССР и Польской Народной Республикой, созданной в 1987 году. Но в 1988 году деятельность Комиссии закончилась полным поражением советских историков. Это было обусловлено тем, что **из-за засекреченности архивных материалов по Катыни они не смогли достойно противостоять доводам польских историков**.

В 2002 году вместо Комиссии была создана совместная Группа по сложным вопросам истории польско-российских отношений. Реально свою деятельность она начала в 2008 году. К сожалению, история повторилась, но в худшем варианте. Неоправданная засекреченность в российских архивах материалов, имеющих отношение к катынскому преступлению, вновь лишила Россию возможности обоснованно противостоять нападкам польских политиков и историков.

Что же касается в целом российских историков, занимающихся польской тематикой, то большинство из них ведут научную деятельность в основном на польские гранты. Более того, некоторые из них отмечают государственными наградами Польской республики, регулярно приглашаются в Польшу на научные мероприятия, сопровождаемые отлично подготовленной культурно-бытовой программой и т. п. Отсюда вывод – **“кто платит, тот и заказывает музыку”**.

Часть таких российских историков оказалась в Группе по сложным вопросам. Учитывая позицию главы российской части Группы А. Торкунова, о которой уже говорилось, естественно, что позиция польской стороны, поддерживаемая некоторыми российскими членами Группы, оказалась довлеющей. Глава польской части Группы бывший министр иностранных дел Польши Адам Ротфельд как-то даже проговорился, заявив, что в процессе работы группы **её российские участники приняли польскую точку зрения.**

В этой связи несколько слов о составе российской части Группы. По сути, её следовало бы назвать бригадой г-на Торкунова. Из пятнадцати человек пятеро представляют Московский институт международных отношений, ректором которого является Торкунов. Это не вызывало бы вопроса, если бы они были специалистами в области российско-польских отношений. Но это не так. Большинство представителей МГИМО специализируются по проблемам международных отношений в Юго-Восточной Азии.

Анатолий Торкунов, ректор МГИМО и член коллегии российского Министерства иностранных дел, также известен как ведущий востоковед, специалист по международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Северо-Восточной Азии. Наши попытки связаться с ним по телефону закончились неудачей. Его секретарь заявила, что Анатолий Васильевич занимается более важными проблемами, нежели Катынь. Как говорится, комментарии излишни.

Два историка-катыноведа, Наталья Лебедева и Инесса Яжборовская, члены российской части Группы, являются яростными защитниками официальной версии катынского преступления. Юрист Александр Третьцкий, бывший руководитель следственной бригады ГВП в 1990–1992 году, также сторонник официальной версии. Для этих троих сомнения в официальной версии Катыни – удар по их профессиональному престижу.

Единственным широко известным специалистом в области российско-польских отношений является профессор Геннадий Матвеев. Но он не специалист по катынской тематике. Не сомневаясь в степени научного профессионализма остальных пяти членов российской части Группы, говорить об их ведущей роли в изучении истории российско-польских отношений можно с большой натяжкой. Завершает список российской части Группы деятель культуры Станислав Бэлза. Человек он известный. Большой эрудит. Но вряд ли Бэлза специализируется в области российско-польских отношений.

В то же время состав польской части Группы говорит сам за себя. Эти двенадцать человек являются “зубрами” польской истории и политики. Россия для них “предмет особого внимания”. Глава польской части Группы её сопредседатель Адам Ротфельд, бывший министр иностранных дел Польши, знает проблемы польско-российских отношений не понаслышке.

В настоящий момент, по словам сопредседателей А. Торкунова и А. Ротфельда, Группа уже пришла к единой оценке катынского преступления. Не вызывает сомнений, что эта **оценка предполагает признание единоличной вины СССР**, соответственно России, как его правопреемника, за катынское преступление.

Сопредседатели Группы, в связи в приближением 70-й годовщины катынской трагедии, предлагают **“снять катынскую проблему до этой даты”**. Однако не уточняют, каким образом это осуществить. Известны предложения Группы, выработанные на последнем заседании, состоявшемся 9 ноября 2009 года в Москве. Так, предлагается создать историко-мемориальные центры, которые бы занимались вопросами совместной истории. К трагической годовщине Катыни попытаться выйти на возможность принятия предварительного документа о создании этих центров;

в апреле 2010 года предлагается провести мемориальную церемонию в Катыни и специальное заседание Группы в Смоленске. Несомненно, основная церемония в Катыни состоится во **Всемирный день памяти катынских жертв, то есть 13 апреля 2010 года.**

Также предложено отметить 90-летие советско-польской войны с соответствующими мемориальными церемониями в местах захоронения погибших и умерших в плену. Планируется подготовить и издать ряд совместных сборников исторических материалов по сложным проблемам.

К сожалению, все эти меры вряд ли снизят уровень польско-российского противостояния. Этого не позволит сделать общественно-политическая ситу-

ация в Польше, которая уже не раз “губила” на корню попытки СССР и России преодолеть катынский раскол. Это и является тем **“если бы...”**, которое предварило данную статью.

Напомним, что в 1990 году Советский Союз пошёл навстречу требованиям польской стороны и без должного расследования признал вину за гибель польских военнопленных офицеров. После развала СССР Россия дала оценку катынскому преступлению, полностью устраивающую польскую сторону. В 1992 году Ельцин сделал ещё один шаг “доброй воли”, передав сверхсекретные документы по Катыни Леху Валенсе. Как уже говорилось, в 1993 году Борис Николаевич **попросил у поляков прощения за катынское преступление**. Тем не менее и после этого русские в Польше воспринимались как враги. Примеры этого общеизвестны.

Весной 2006 года Президент России В. Путин обратился к бывшим союзникам по Варшавскому блоку с призывом **“обнулить счётчик взаимных обид”**. Но польские политики вновь предпочли не услышать этот призыв. Катынь продолжала использоваться как мощнейшее средство нагнетания антирусских настроений в Польше.

Напомним только один факт. 14 августа 2008 года в Варшаве состоялся отборочный матч на кубок УЕФА между варшавской “Легией” и командой “Москва”. С самого начала польские болельщики стали скандировать оскорбления в адрес России. Польские игроки на поле действовали грубо и по-хамски, нанеся травмы нескольким российским игрокам, но, тем не менее, проиграли 1:2. Комментатор на стадионе даже не попытался урезонить хулиганов. Польский тренер после игры не извинился. Говорят, что это была реакция на события в Южной Осетии. Но эта реакция, прежде всего, плод польской почвы, щедро удобренной Катынью.

Катынская трагедия стала центральным звеном общенациональной польской пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвящённых Катыни. Во многих городах имеется улица “Героев Катыни”, гимназия “имени Жертв Катыни”, местный “Катынский крест” и т. д. и т. п.

В ноябре 2007 года по инициативе президента Л. Качиньского в Варшаве состоялась помпезная публичная двухсуточная акция **посмертного (!) повышения в воинских званиях всех 14 тысяч польских военнопленных**, фигурирующих в Катынском списке. Подобных прецедентов мировая история не знала. Таких почестей не были удостоены даже 300 великих спартанцев во главе с царём Леонидом.

Добавим к этому, что фильм **“Катынь”**, который, по утверждению его создателя, известного польского режиссёра Анджея Вайды, не носит антироссийской направленности, формирует отношение к России, как показали опросы общественного мнения среди поляков, как к врагу Польши.

1 сентября 2009 года российский премьер Путин вновь проявил добрую волю и приехал в польский Гданьск на траурную церемонию по случаю 70-летней годовщины нападения Германии на Польшу. Конструктивное и, в целом, благожелательное для Польши выступление Путина, как и его статья в “Газете Выборчей”, было встречено польским политическим истеблишментом неоднозначно. Тон задал польский президент Лех Качиньский. Выступая в Гданьске, он сравнил расстрел польских офицеров в катынском лесу **с геноцидом и холокостом**. В конце сентября Сейм Польской республики принял резолюцию о событиях 1939–1940 годов в духе выступления Качиньского.

Жест примирения, который сделал Путин в Гданьске, буквально на следующий день вызвал неадекватную реакцию главы Бюро национальной безопасности Александра Щигло (бывшего министра обороны Польши). **2 сентября** он принял решение опубликовать доклад Бюро национальной безопасности (БНБ) при президенте Польши **“Историческая пропаганда России в 2004–2009 годах”**, обвиняющий российские власти и спецслужбы в целенаправленной фальсификации истории и внедрении полонофобских настроений в сознание россиян. В докладе даже визит Владимира Путина в Гданьск был расценен как элемент “исторической пропаганды”, как попытка **создать впечатление открытости России в дискуссиях о прошлом**.

Такой подход не нов для Польши. Известный польский общественно-политический деятель, главный редактор журнала “Новая Польша” профессор Ежи Помяновский ещё в 2005 году в статье **“К истории дезинформации”**

(Новая Польша, № 5) утверждал, что в России целенаправленно проводятся кампании “возбуждения у русских ненависти к Польше и полякам”. Это абсурд, хотя бы потому, что абсолютное большинство россиян, в том числе и интеллигенция, относятся к современной Польше без всяких эмоций, как одной из второстепенных стран Европы. Поэтому нет никакого смысла заниматься кампаниями разжигания ненависти к полякам. Во имя чего? Воевать с Польшей Россия не собирается. Особых претензий к Польше у России нет. Другое дело, что ворох претензий есть у поляков к России.

К сожалению, создаётся впечатление, что российское руководство без должного внимания относится к проблеме польско-российского противостояния. Иначе Группа по сложным вопросам формировалась бы по другому принципу. Что же касается авторов, которые подобно мне пишут на польскую тему, то полемические статьи появляются, как правило, только в ответ на польские выпады в адрес России. На официальном уровне Россия лишь безмолвно “утирается”. **В итоге у многих россиян складывается ложное впечатление, что поляки правы.** Они “белые и пушистые европейцы”, а мы – “восточные варвары”.

В то же время, как только в Польше согласятся на “нулевой вариант” взаимных обид, то российские контрстатьи и книги канут в Лету. Делать политику на истории контрпродуктивно. Это неоднократно подчёркивал У. Черчилль. Уверен, в России народ не злопамятный. Напомним 1960–1980-е годы. Весь СССР был в восторге от Польши. Это факт. Хотелось бы, чтобы эти времена вернулись. И сегодня польская культура, кино, эстрада, мода россиянам намного ближе, чем любая другая в Восточной Европе.

Для меня одним из величайшим мыслителей и гуманистов современности является польский режиссёр Кшиштоф Занусси (Krzysztof Zanussi). Слушая этого обаятельнейшего человека и смотря его фильмы, не чувствуешь внутреннего противоречия. Его размышления о жизни обогащают понимание о предназначении человека на Земле. Уверен, что К. Занусси был прав, когда в интервью “Российской газете” в октябре 2008 года сказал, что “польская молодёжь соскучилась по русским фильмам”. Я бы добавил, и российская молодёжь соскучилась по польским фильмам. К сожалению, потепление в отношениях между Россией и Польшей слишком эфемерно. И это вина не столько России (хотя и она виновата), сколько Польши.

Не секрет, что Качиньский в Гданьске озвучил мнение большинства поляков. Согласно социологическому опросу, **более 75% населения Польши** ждали от Путина в Гданьске извинений за события 1939–1940 годов. Иного быть не могло, потому что современные поляки практически мало что знают о реальных событиях, предшествовавших началу Второй мировой войны, и роли в них Польши. Ситуация в современной Польше в какой-то мере напоминает ситуацию, представленную в польском фильме “**Новые амазонки**”.

Режиссёр Юлиуш Махульский показал в этом фильме общество, в котором память о прошлом подверглась чудовищной вивисекции, в результате которой виновными во всех бедах были объявлены мужчины. В современной Польше главным виновником всех бед объявлена Россия и русские. Слово “**русский**” в польском языке носит **уничжительный характер** (типа “чурка”), поэтому использовать его в литературной речи считается неприличным. Вместо этого используется синоним “россиянин”.

Утверждают, что в фильме “Новые амазонки” была фраза, которую говорили герои, выбравшиеся из подземного бункера: “Внимание, группа! Направление – на восток, там должна быть цивилизация!”. Эту фразу вырезали, так как, согласно общепринятому мнению, на Востоке не может быть цивилизации. Польская элита считает, что только **Польша способна принести цивилизацию на Восток. Идея создания великой Восточной империи на территориях раздробленной России, объединённых под польским протекторатом**, господствует ещё со времён Ягеллонской династии.

Известно, что в предвоенный период Польша развила активную деятельность по разжиганию националистических и сепаратистских настроений в России в рамках проекта “**Прометей**”. “Прометеизм” должен был стать путём реализации амбициозного лозунга Речи Посполитой “**Польша от моря и до моря**”.

Эта тема и сегодня жива в Польше. Лех Качиньский в своих интервью неоднократно подчёркивает, что его идеал – Юзеф Пилсудский, “**идейное наследие**” которого актуально и по сей день. Это наследие в последнее время

получило новую подпитку. Известный американский политолог, основатель частного разведывательно-аналитического центра “Stratfor” Джордж Фридман в книге **“Следующие сто лет: прогноз на XXI век”**, изданной в 2007 году, предрёк, что **Польша в будущем войдёт в круг мировых держав**. Объясняется это стратегическим положением Польши, находящейся между двух гегемонов Европы: Германией и Россией. Опасаясь обоих, Польша, пользуясь возрастающим покровительством США, будет стремиться расширить своё влияние в Европе и мире.

Эти же мысли Фридман повторил в ноябре 2009 года в интервью польской газете “Dziennik”. Каждому мало-мальски знакомому с ситуацией в Польше ясно, что это живительный “бальзам” для польских политиков. Развитие современной ситуации пока идёт в направлении, предрекаемом Фридманом. И это способствует поддержанию соответствующего настроения среди польской элиты.

Не случайно Польша в отношениях с Россией ведёт себя, по меньшей мере, как мировая сверхдержава. На любую попытку правдиво осветить роль Польши в предвоенные годы она незамедлительно отвечает нотами протеста.

Так, в июне 2009 года посольство Польши выразило протест в связи показанным в “Вестях недели” сюжетом **“Пакт Молотова–Риббентропа: историческое расследование”**. Полякам не понравилось, что их страна упоминается в качестве потенциального союзника Германии (как оно и было на самом деле в 1930-е годы). *“Описание событий искажено и недостоверно. Это яркий пример фальсификации истории”*, – говорилось в заявлении посольства. Ниже мы предоставим документальные свидетельства союзнического рвения Польши в 1930-х годах.

Аналогично польские журналисты реагировали 1 сентября 2009 года во время пресс-конференции, посвящённой презентации сборника рассекреченных документов Службы внешней разведки России (СВР) **“Секреты польской политики. 1935–1945”**. По поводу этого сборника разразился негодованием глава Института национальной памяти (ИПН), а точнее современной польской инквизиции, Януш Куртыка. Он пафосно заявил, что *“ИПН ответит на российские попытки фальсифицирования истории публикацией материалов, которые подробно раскроют механизмы этой лжи”*.

Что можно сказать по этому поводу? Польская сторона пока смогла обвинить составителей сборника лишь в *“методических ошибках”* и незнании польской истории *“даже на уровне школьного учебника”*. Поводом для этого явилась тривиальная ошибка. Один из документов попал не в тот хронологический раздел. Но от этого содержание сборника не изменилось, так как включённые в него документы являются **подлинными и неопровержимо свидетельствуют о тесных союзнических связях между Польшей и Германией**.

Пан Куртыка ещё раз продемонстрировал неспособность польских политиков вести аргументированный диалог. Их логика – это логика обиженного мальчика в коротких штанишках, который на все серьёзные аргументы оппонента заявляет: *“А ты сам такой!”*.

В то же время необходимо знать, что большинство польских политиков, журналистов, историков и всех тех, кто занят в сфере политики и идеологии, **лишены возможности считаться с очевидным**. Они являются **заложниками жёстких политических и идеологических установок**, господствующих в польском обществе. Подобно тому, как люди этой категории в своё время были заложниками партийных установок в СССР.

У польского общества есть большой опыт расправы с инакомыслящими. Поучительной является судьба польского историка Казимира Валишевского, посмевшего в XIX веке высказать своё мнение. На основе анализа многочисленных исторических документов и свидетельств Валишевский пришёл к неоднозначному для польской исторической науки выводу.

В книге **“Потоцкий и Чарторыйский”**, увидевшей свет в 1887 году, он позволил себе написать, что **не столько злая воля европейских держав в польском вопросе, сколько непродуманная, недалёковидная политика самой польской власти привела к потере страной государственной независимости и разделу её между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией**. За это он был отлучен от польского научного общества и в 1889 году был вынужден переехать во Францию, где в 1935 году умер, так и не сумев побывать на родине.

Судьба Валишевского стала серьёзным предупреждением для многих в Польше. Не случайно позиция современной польской элиты уже десятилетия остаётся неизменной. Единственное, чему они научились, это громко говорить о необходимости “широкого диалога” и “признания исторической правды” в польско-российских отношениях. **Диалог поляки понимают как безоговорочное согласие с их аргументами.**

В ряде случаев, говоря о взаимопонимании между двумя странами, поляки тут же делают обратное. Возьмём, к примеру, события последних месяцев. На фоне разговоров о преодолении катынского противостояния в Польше началась **всепольская акция по очередному увековечиванию памяти катынских жертв под названием “Дубы памяти жертв Катыни”**. Она посвящена 70-й годовщине катынского преступления, в её ходе планируется **посадить 21 473 дуба в память поляков, погибших в СССР.**

Девиз акции **“Катынь... Спаси от забвения”**. По утверждению организаторов, она призвана придать новый импульс памяти местных героев, убитых в Катыни. В польской памятке написано: *“Каждый ДУБ ПАМЯТИ посвящён конкретному лицу, “убитому в Катыни” (один дуб = одно имя из катынского списка). Каждый ДУБ ПАМЯТИ имеет собственный именной сертификат и мемориальную табличку Героя”*. Напомним, что в Катыни, по польским данным, постоит всего 4 с небольшим тысячи человек.

Посадка каждого дуба фиксируется в специальном отчёте на 4 листах. За каждым дубом закрепляются шефы. Попутно реализуется программа **“Моя малая родина”**, основной задачей которой является *“открытие конкретных Героев Катыни в ближайшем регионе на территории действия образовательного учреждения и представление их истории в различной – в зависимости от этапа осуществления программы – форме”*.

Учитывая длительный процесс роста и жизни дубов, эта акция задумана минимум лет **на СТО**. Посадка последнего дуба должна произойти в Катыни. По некоторой информации, организаторы акции тешат себя мыслью, что **в апреле 2010 года на церемонии в Катынь приедет кто-то из руководства России, посадит дуб и в очередной раз покается перед Польшей.**

По мнению Николая Сванидзе, автора телевизионного цикла “Исторические хроники”, высказанному в интервью “Газете Выборчей” (от 20–23 августа 2009 г.): *“Было бы прекрасно, если бы Россия извинилась за сталинские преступления, как немцы извинились за Холокост, когда канцлер Вилли Бранд встал на колени перед памятником жертв варшавского гетто”*.

Аналогичную мысль высказала и английская журналистка Мэри Дежевски (Mary Dejevsky) в статье **“Пора очиститься от давнего и болезненного наследия Катыни”** (“The Independent” от 23 июня 2009). Она считает, что *“Медведев в силах эту ситуацию исправить: он может провести официальную церемонию в Катыни, формально взять на себя ответственность, или даже пригласить Вайдю показать его фильм в России. Такие шаги не изменят всё в мгновение ока, но это будет скромное начало новой, более правдивой эпохи”*.

Пусть эти предложения изучают те, кому они предназначены, а мы вернёмся к “Героям Катыни”. Споры нет, память о погибших священна. Тем не менее, всегда учитывается, как они погибли, или в бою, как Александр Матросов, закрывая собой вражеский пулемёт, или в плену. В России чтят память тех и других. Только одних считают героями, а других – жертвами, не противопоставляя друг другу.

В Польше же происходит нечто странное. Создаётся впечатление, что там нет других героев, кроме поляков, сдавшихся в плен в сентябре 1939 года. Почему такое же внимание, как катынским жертвам, не уделяется героям полуострова Вестерплатте, первыми принявшими удар нацистов, героям обороны Варшавы в сентябре 1939 года и др.? Пока сведения о том, что они посмертно повышены в звании или в их честь по всей Польше высаживают дубы, отсутствуют.

Почему с таким же пиететом не отмечают жертвы Варшавского восстания? Варшавяне в 1944 году показали пример истинного героизма и патриотизма. Польская столица потеряла более 10 тысяч героев, погибших с оружием в руках, и 150 тысяч мирных жителей. Было ранено 25 тысяч варшавян, 5 тысяч пропали без вести. Десятки тысяч были направлены в концлагеря и на принудительные работы в Германию, а 350 тысяч выселены из Варшавы. Добавим, что руководитель восстания генерал Бур-Комаровский, в то время

как нацисты расправлялись с варшавянами, на **немецком самолёте** был отправлен в Швейцарию.

Почему внимание к солдатам армии генерала Андерса, сформированной в СССР из **взятых в плен поляков, существенно ниже, нежели к катынским жертвам?** Эта армия, вооружённая и обмундированная в Советском Союзе, в 1942 году отбыла в Иран. А в мае 1944 года покрыла себя славой при битве в Италии за Монте-Кассино. Однако поляков, погибших при Монте-Кассино, посмертно не повысили в звании. Может быть, потому, что они не имели прямого отношения к освобождению Польши?

Ну, а что же с польскими солдатами, которые вместе с Красной Армией освобождали Польшу, брали Берлин, а потом победным маршем прошли по Красной площади? Вот их в Польше не забыли. Правительственное управление по делам ветеранов и репрессированных лиц намерено **лишить их статуса ветеранов войны**. “Эксперты” упомянутого Института национальной памяти пришли к выводу, что Армия и Гвардия Людова не были частью польских вооружённых сил, поэтому их бывшие бойцы не являются польскими ветеранами.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод: **главной** для польских политиков и идеологов является лишь **та память, которая напоминает о “врагах с Востока”**. Как говорилось, акция **“Дубы памяти жертв Катыни”** рассчитана минимум на 100 лет. Видимо, польские политики планируют ещё столетие использовать против России “катынскую карту”, позволяющую создавать нужную эмоциональную атмосферу в польском обществе. **Естественно, эти сто лет молодое поколение в Польше будет воспитываться в духе русофобии.**

В этой связи расчёт российского руководства на то, что в Польше, рано или поздно, возьмут верх прагматики, сознающие, что улучшение **отношений с Россией выгодно, не оправдан. Сегодня отношения с Польшей следует строить максимально уважительно, но при бескомпромиссной и жёсткой защите российских позиций.** Нашим дипломатам и историкам этому следует поучиться у польских коллег.

К сожалению, современные российские отношения с Польшей в какой-то мере напоминают советскую практику. Тогда межгосударственные отношения с Народной Польшей строились практически без учёта национального менталитета, традиций и истории страны. **Главным считалась “дружественная” позиция польского руководства, которая представлялась “вечной и нерушимой”**. Время показало, что это совсем не так. Поэтому вполне вероятно, что в случае ухода с политической арены вменяемого прагматика польского премьера Туска и его команды ситуация в Польше вернётся на круги своя.

Следует уяснить, что **перелом в польско-российском противостоянии наступит только тогда, когда произойдёт сдвиг в польском общественно-политическом сознании.** Начало этому процессу может дать **переосмысление Катынского дела на основе вновь открывшихся обстоятельств и возобновление его объективного расследования без всяких секретов и утаиваний.**

Имея серьёзные свидетельства ущербности официальной версии катынского преступления, **России в споре с Польшей следует перестать занимать размытую, двойственную позицию.** Так же следует вести себя и в вопросах дискуссий по **проблемам пакта Риббентропа–Молотова и так называемого “удара в спину” 17 сентября 1939 года.**

России следует быть готовой к тому, что после преодоления катынского противостояния обострится противостояние по поводу двух вышеназванных событий. Здесь у России более выгодные позиции, так как предвоенная Польша была далеко не безгрешной. Небольшой исторической экскурсией в предвоенную Европу и хочется завершить наш рассказ.

Кое-что из истории Польши

Современная польская историография представляет довоенную Польшу как безгрешного борца за справедливые и равноправные отношения в Европе. А вот известный политик мирового масштаба премьер-министр Англии сэра Уинстон Черчилль был несколько другого мнения. В своих мемуарах **“Вторая мировая война”** он, оценивая действия Польши в отношении Чехословакии в

сентябре 1938 года, писал, что она “с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства” (Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 166).

Заслуживает внимания и другая характеристика, данная Черчиллем поведению Польши накануне Второй мировой войны. “Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания... Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И всё же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости” (там же. С. 146–147). В какой-то мере слова Черчилля созвучны словам Валишевского.

С уверенностью можно заявить, что с момента обретения независимости в конце 1918 года и в течение последующих двух десятилетий Польша была одним из самых агрессивных европейских государств. Ультиматумы и силовой захват территорий были излюбленным способом её общения с соседними государствами. Не случайно Пилсудский не был приглашён в 1918 году на Парижскую мирную конференцию по переустройству Европы. **В межвоенный период прирост территории Польши за счёт соседних государств был самым значительным.**

Представляют интерес отношения обретшей в 1918 году независимость Польши и Советской России. Уже 29 августа 1918 года Правительство РСФСР декретом провозгласило отказ от договоров России с Германией и Австро-Венгрией о разделах Польши. Однако поляки намеренно затягивали установление нормальных отношений с Советской Россией, пытаясь воспользоваться её слабостью и добиться максимальных территориальных приобретений на Востоке.

Стремление покорить Россию всегда присутствовало в польской политике. Ещё в феврале 1814 года Михал Сокольніцкий, бывший сподвижник Тадеуша Костюшко, ставший начальником контрразведки Наполеона, предлагал французскому императору **расчленение** Российской империи на ряд подконтрольных Франции государств, при доминировании Польши.

В 1904 году Юзеф Пилсудский, будущий начальник польского государства, писал, что целью Польши должно быть **“расчленение государства Российского на основные его составные части и освобождение силой включённых в состав империи стран... Россия, лишённая своей периферии, будет ослаблена настолько, что перестанет быть грозным и небезопасным соседом”**.

Накануне Первой мировой войны Пилсудский заявил: “Когда я возьму Москву, то на стене Кремля велю написать: **“Говорить по-русски запрещается”**. Это были не пустые слова. Когда Польша в 1938 году захватила Тешинскую область Чехословакии, там немедленно было запрещено говорить на чешском языке. За чешское приветствие “Наздар!” штрафовали на 4 злотых. Поэтому чехи в Тешине нередко приветствовали друг друга словами “Четыре злотых!””.

16 ноября 1918 года Пилсудский уведомил все страны, кроме РСФСР, о создании независимого польского государства. 26–28 ноября советское правительство заявило о готовности установить дипломатические отношения с Польшей, однако поляки ответили отказом. В декабре 1918 года советская сторона трижды предлагала установить дипломатические отношения, но Польша всякий раз отказывалась от этих предложений. А в начале февраля 1920 года польское руководство предъявило РСФСР **фактический ультиматум**: вывести советские войска с территорий, до 1772 года лежащих в границах Речи Посполитой, **то есть признать польскими территории, лежащие западнее Смоленска.**

В это время польское правительство сумело договориться с отступающей немецкой армией о пропуске частей Войска Польского через занятые немцами территории в Белоруссии. В результате продвижение польских войск на восток продолжалось на всём протяжении 1919 года и первого полугодия 1920 года. Боевые стычки между частями Войска Польского и Красной Армии происходили повсеместно.

Польские и некоторые прикормленные ими российские историки голословно утверждают, что агрессором являлась Советская Россия. При этом перечисляются многочисленные части РККА, которые якобы готовились для похода на

Польшу. Действительно, большевистское правительство России лелеяло планы использовать территорию Польши как коридор для разжигания революционного пожара в Европе. Но в 1918-м и 1919 году положение большевиков в самой России было весьма шатким. Ни о каких значительных воинских силах на советско-польской границе **не могло быть и речи**.

Это подтверждает и донесение американского представителя при миссии Антанты в Польше генерал-майора Дж. Кернана на имя президента США Вильсона от 11 апреля 1919 года. В нём говорится: *“Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идёт речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного”*.

25 апреля 1920 года польские войска, воспользовавшись ситуацией и обеспечив почти трёхкратное численное превосходство в силах, атаковали позиции Красной Армии по всей протяжённости украинской границы. **Так началась полномасштабная польско-советская война 1920 года**. 7 мая 1920 года поляки взяли Киев. Контрнаступление Красной Армии началось лишь в начале июня 1920 года. Первая Конная армия прорвала оборону поляков и через неделю освободила Киев. К началу августа Красная Армия оказалась на подступах к Варшаве. Положение Польши стало критическим.

16 августа 1920 года Пилсудский начал осуществление задуманного контрудара. В итоге произошло так называемое “Чудо на Висле”. Части Красной Армии были отброшены от Варшавы и отступили на всей территории Белоруссии и Украины. Итогом этой войны стали огромные территориальные приобретения Польши на Востоке. Граница между Речью Посполитой и РСФСР, согласно Рижскому договору от 1921 года (подписанному РСФСР, как говорят, “с пистолетом у виска”), прошла в 30 километрах западнее Минска. С тех пор **основным противником СССР** на Западе в течение 20 лет считалась и была Польша.

Советское руководство, понимая неравноправный характер договора 1921 года, в течение 18 лет было вынуждено с ним соглашаться. В 1932 году между СССР и Польшей был подписан договор о ненападении, который признавал, что мирный договор 1921 года остаётся основой взаимных отношений и обязательств.

Однако, как свидетельствуют рассекреченные документы, польские военные деятели рассматривали договор 1932 года как “дымовую завесу”. В августе 1937 года польский Генштаб подготовил директиву № 2304/2/37, в которой сказано, что конечной целью польской политики является **“уничтожение всякой России”**.

В декабре 1938 года II отдел польского Генштаба подготовил доклад, в котором говорилось: *“Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель – ослабление и разгром России”* (см. Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. T. III. Warszawa, 1968, str. 262, 287).

МИД Польши по тому же поводу подготовило секретную записку **“Польская политика на Кавказе”**, в которой говорилось, что *“Польша заинтересована в отторжении от России Грузии, Азербайджана и ряда других территорий”*.

Организация **“Прометей – Лига угнетённых Россией народов...”**, созданная в 1929 году II отделом польского Генштаба (разведка и контрразведка), раскинула свои щупальца по всей Европе и СССР. В 1937 году польский Генштаб принял новую директиву **“О работе разведки против СССР”**. В ней речь шла о реорганизации лиги “Прометей”, перед которой ставилась задача дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в СССР путём усиления работы с эмигрантскими национальными элитами. Теперь им предписывалось всеми силами способствовать *“распаду Советской империи на национальные элементы и племена”, а также вызывать “брожение националистического характера на тех территориях, где население проявляет пассивность”*.

Помимо этого Польша готовилась к прямым военным действиям против СССР. 4 марта 1939 года польское командование после длительных политических, экономических и оперативных проработок утвердило план войны против СССР **“Восток”** (польск. “Wschod”). (См. Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych, R-16/1).

Агрессивность и территориальные претензии Польша демонстрировала и в отношении других соседних государств. Пилсудский эти планы маскировал намерением создать федерацию Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой, так называемое “Междуморие” (Międzymorze) на территориях прежней Речи Посполитой. Но в действительности главная ставка делалась не на добровольное вхождение вышеупомянутых государств в эту федерацию, а на военную силу. В феврале 1920 года Пилсудский в интервью газете “Эко де Пари” заявил: **“Мы на штыках несём этим несчастным землям свободу без всех оговорок”**.

Известно, что Литва не желала вступать в польскую федерацию. Реализуя установку Пилсудского, польские войска в 1919-м и 1920 годах занимали столицу Литвы Вильнюс и Вильнюсский край. На протесты Литвы Польша отвечала в ультимативной форме. Наконец, 9 октября 1920 года войска польского генерала Люциана Желиговского, нарушив условия только что заключённого польско-литовского перемирия, вновь заняли Вильнюс, который почти на 20 лет становится польским городом. Но претензии Польши к Литве на этом не кончились.

17 марта 1938 года Польша предъявила Литве **ультиматум** с требованиями заключить конвенцию, гарантирующую права польского меньшинства в Литве, и отменить параграф литовской конституции, провозглашающий Вильнюс столицей Литвы. На выполнение требований ультиматума поляки **дали 24 часа**. После чего грозили двинуться на Каунас (тогдашнюю столицу Литвы) и полностью оккупировать Литву.

Советское правительство предупредило Польшу, что в случае вооружённого нападения на Литву оно денонсирует польско-советский пакт о ненападении и оставит за собой свободу действий. В этой связи поляки ограничились требованиями к Литве **одним пунктом** — установлением дипломатических отношений.

Польское руководство политику ультиматумов проводило и в отношении соседних государств. 22 сентября 1938 года Польша предъявила **ультиматум** правительству Чехословакии, целью которого было присоединение “земель с польским населением”. СССР вновь предупредил Польшу, что денонсирует соглашение о ненападении между СССР и Польшей, если польские войска перейдут границу Чехословакии. Тем не менее 1 октября 1938 года, сразу же после Мюнхенской конференции, Польша предъявила Чехословакии **второй ультиматум** с требованием передать в её состав Тешинскую область. **Вечером в Тешин вошли польские войска**. Вышеизложенные исторические факты довольно полно характеризуют волка в “овечьей шкуре”, который в 1918–1939 годах обитал на берегах Вислы.

Ну, а что же можно сказать по поводу того, что предвоенная Польша была фактическим сателлитом нацистской Германии? Это важный вопрос, так как польские политики и историки постоянно обвиняют СССР в том, что он был “верным союзником” Гитлера. Вновь обратимся к историческим фактам, которые позволяют оценить, кто в действительности являлся союзником фюрера.

Но прежде заметим, что в Советском Союзе факты сотрудничества Польши с нацистской Германией замалчивались. За это поляки должны благодарить Сталина, который, ценя Польшу, как важного союзника, считал, что не следует акцентировать грехи довоенного польского руководства. Тем не менее после войны в СССР был издан сборник архивных документов Министерства иностранных дел Германии **“Документы и материалы кануна второй мировой войны: Ноябрь 1937–1938 гг.”** (Т. 1. М.: Госполитиздат, 1948). В этом сборнике немало свидетельств довоенного сотрудничества Польши и Германии

В 1933 году Польша стала первым государством, которое сразу же после прихода нацистов к власти установило с ними дружеские отношения. После выхода Германии 14 октября 1933 года из Лиги Наций польская дипломатия **добровольно взяла на себя защиту интересов** Германии в этой организации.

26 января 1934 года Польша (также первая в Европе) подписывает с гитлеровской Германией Пакт о ненападении сроком на 10 лет. В **секретной** части соглашения, которая скрывается до сих пор, была договорённость о военной помощи. Кстати, в соответствии с этой договорённостью **в сентябре 1938 года польские и немецкие военные договаривались** о линии демар-

кации войск в случае совместного вторжения в Чехословакию. В чешских газетах описывались сцены “боевого братства” между германскими и польскими военными.

В начале лета 1934 года в Варшаве начальник польского государства, а точнее полноправный диктатор, маршал Юзеф Пилсудский (номинальным президентом Польши в то время являлся Игнацы Мосьцицкий) с королевским размахом принял министра имперской пропаганды Йозефа Геббельса. Неоднократно приезжал в Польшу поохотиться в Беловежской пушче рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в нацистской Германии. Он восхищался действиями польских карательных органов, преследовавших не только коммунистов, но белорусов и украинцев, боровшихся за свои национальные права.

Польша, опираясь на Германию, строила далеко идущие планы. В июне 1935 года американский посол в Берлине Уильям Додд писал, что он получил от высокопоставленных немецких чиновников информацию о том, что **Германия в союзе с Польшей готовится к захвату Балтийских государств и западных территорий СССР**. После Мюнхена в Польше стали разрабатываться планы новых захватов украинских земель.

В 1935 году Франция и СССР заключили военное соглашение о защите Чехословакии от немецкой агрессии. Это был реальный шанс предотвратить развал Чехословакии в 1938 году и остановить Гитлера. Тогда этому **воспрепятствовала Польша, выступившая верным союзником Германии**. Она заявила, что немедленно начнёт военные действия против СССР, если он попытается направить войска через польскую территорию для помощи Чехословакии.

Позицию Польши в отношении Чехословакии, как союзника Германии, подтверждают переговоры министра иностранных дел Польши Юзефа Бека с рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером, состоявшиеся 14 января 1938 года. Фюрер тогда заявил: *“Чешское государство в его нынешнем виде невозможно сохранить, ибо оно представляет собой в результате губительной политики чехов в Средней Европе небезопасное место — коммунистический очаг”*. Эту позицию, как было сказано в официальном польском отчёте о встрече, Бек *“горячо поддержал”*.

23 февраля того же года Бек, встречаясь с наци № 2 Германом Герингом, заявил о готовности Польши считаться с германскими интересами в Австрии и подчеркнул интерес Польши к **“чешской проблеме”**.

Немало интересных фактов о тесном сотрудничестве Польши и Германии содержится в сборнике рассекреченных документов **“Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы”**, изданном МИД РФ в 1990 году.

1 октября 1938 года посол Польши Юзеф Липский сообщал в Варшаву о том, что был принят министром иностранных дел Германии Иохимом фон Риббентропом, который заявил: *“В случае польско-советского конфликта правительство Германии займёт по отношению к Польше более чем доброжелательную позицию”*. Затем посол был приглашён к Герингу, который подчеркнул, что *“в случае советско-польского конфликта польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства”*.

28 декабря 1938 года состоялась беседа советника посольства Германии в Польше Рудольфа фон Шелии с только что назначенным посланником Польши в Иране Яном Каршо-Седлевским. Последний заявил: *“Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определённо стать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путём заранее достигнутого польско-германского соглашения”*.

Новые свидетельства тесного духовного и военного сотрудничества Польши с Германией содержатся в сборнике рассекреченных документов из архива СВР под названием **“Секреты польской политики. 1935–1945”**, представленного российской общественности 1 сентября 2009 года.

Так, приводится высказывание Германа Геринга, сделанное в беседе с польским маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы: *“Польша — наш духовный союзник. У нас прекрасно складываются отношения, и мы будем с вами до конца”*. Восторгу Рыдз-Смиглы и других польских лидеров не было предела.

Представляет интерес запись беседы польского посла в Вашингтоне Ежи Потоцкого с госсекретарём США Корделлом Хеллом. Когда Хелл поинтересовался, действительно ли только Красная Армия способна дать отпор агрессору в случае войны в Европе, посол с раздражением ответил, что с **Германией у них дружба, а главный враг – СССР**.

В рамках этой дружбы 5 января 1939 года польский министр иностранных дел Бек был принят Гитлером в его личной резиденции Берхтесгадене. В ходе встречи Гитлер предложил **Польшу участвовать в планируемом “крестовом походе” против СССР**. Фюрер заявил, что существует “единство интересов Германии и Польши в отношении Советского Союза” и что “каждая использованная против СССР польская дивизия означает экономию одной немецкой дивизии”.

Однако Польшу тогда не устроили выдвинутые немецкие условия по Данцигу и Данцигскому коридору, а также пугали перспективы утратить территории западных областей Украины и Белоруссии, захваченные в 1920 году. Это и стало **главной причиной разногласий между Польшей и Германией**. Сегодня в Польше, а кое-кто и в России, утверждают, что такой причиной явилось стремление Польши соблюсти польско-советский договор 1932 года. На фоне целенаправленно враждебной антисоветской политики довоенного польского руководства это утверждение воспринимается как курьёз.

Нацистское и предвоенное польское руководство объединяла не столько зоологическая ненависть к коммунизму, сколько территориальные претензии к СССР. Так, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп в начале января 1939 года писал о беседе с Бекем в Берхтесгадене: “Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил, что они уже были в Киеве и что эти устремления, несомненно, всё ещё живы и сегодня”.

Улыбки улыбками, а Риббентроп тогда решительно потребовал согласия на присоединение Данцига к Германии и согласия на строительство экстерриториальной железной дороги и автостреды, которые связали бы Германию с Восточной Пруссией. Польское руководство начало уклончивую игру с нацистами, пытаясь реализовать свои планы выхода к Чёрному морю. 26 января 1939 года Бек в беседе с Риббентропом, состоявшейся уже в Варшаве, вновь заявил, что “Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю”. Но Германия не спешила гарантировать Польше территории, на которые претендовала сама. Союзники вновь не нашли общего языка.

21 марта 1939 года Риббентроп в беседе с польским послом Липским жёстко поставил требования в отношении Данцигского коридора. В тот же день Гитлер подкрепил эти требования меморандумом. Польское правительство ответило отказом. Маршал Рыдз-Смиглы утвердил оперативный план войны с Германией “**Запад**”. Позиция Польши была обусловлена тем, то она предпочла сделать ставку на новых гарантов безопасности своей территориальной целостности: Францию и Англию. 31 марта 1939 года Великобритания объявила о гарантиях для Польши в случае агрессии против неё.

В апреле 1939 года Гитлер денонсировал Пакт о ненападении с Польшей, заключённый в январе 1934 года. **Союзнические дружба и любовь Польши и Германии рухнули**. Польша поспешила броситься в ненадёжные объятия Франции и Англии.

Далее последовали драматические события, завершившиеся сентябрьской катастрофой. Итог общеизвестен – Польша стала жертвой агрессии Германии. В таком развитии событий решающую роль сыграла недалёковидная и неумная позиция польского военно-политического руководства в последние предвоенные месяцы. Но об этом в Польше предпочитают не вспоминать.

Стремятся забыть и о позиции СССР в отношении западного соседа. 10 мая 1939 года по поручению наркома иностранных дел Вячеслава Молотова его первый зам Владимир Потёмкин встретился в Варшаве с польским министром иностранных дел Юзефом Бекем и передал тому, что СССР “**не откажет в помощи Польше, если она того пожелает**”. На следующий день, 11 мая польский посол в Москве Вацлав Гжибовский явился к Молотову и заявил, что “Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР, т. к. это угрожает её независимости”. Тем не менее 25 мая 1939 года во время визита к Беку советский посол в Варшаве Николай Шаронов вновь под-

твердил **готовность Советского Союза оказать военную помощь Польше**. Предложение вновь было отвергнуто.

В августе 1939 года в основном из-за категорического отказа польского руководства пропустить советские войска через свою территорию к границам Германии сорвалась попытка **создания антигитлеровского военного союза Франции, Великобритании и СССР**. Ситуация для Страны Советов становилась крайне опасной. Её осложняли **три обстоятельства**.

Во-первых, в это время Германия вела переговоры о заключении договора о ненападении (пакта) не только с СССР, но и с Великобританией. В Берлине одновременно готовились два полёта для подписания договора: **Риббентропа в Москву и Геринга в Лондон**. При подписании пакта Геринга–Галифакса СССР оставался один на один со всем капиталистическим миром.

Достаточно сказать, что в сентябре 1938 года министр иностранных дел Англии лорд Галифакс заявлял, что: *“...Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России”*.

Польский посол в Вашингтоне Ежи Потоцкий в письме в Варшаву от 21 ноября 1938 года сообщал о своей беседе с послом США Буллитом, который сказал: *“Желанием демократических государств было бы, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного конфликта Германского рейха и России”*.

Член знаменитой “кембриджской пятёрки” Дональд Маклин, работавший в британском министерстве иностранных дел, и его коллега Гай Бёрджес, одновременно сотрудник английской разведки, в 1939 году сообщали в Москву, что основная политика Лондона состоит в том, чтобы *“работать с нацистской Германией во что бы то ни стало и, в конце концов, против СССР”*. Для Сталина было абсолютно ясно, что СССР в предвоенный период для Запада был жертвой, которую следовало скормить нацистскому зверю.

Не случайно англичане в вопросах подписания Пакта с Германией проявляли большую активность, нежели СССР. В июле 1939 года советник британского премьера Вильсон подготовил программу англо-германского сотрудничества, известную под названием **“плана Вильсона”**. В середине августа Риббентроп получил очередной вариант этого плана. Согласно ему предусматривалось заключение между Англией и Германией *“оборонительного союза”* на 25 лет, постепенное возвращение Германии колоний, *“разграничение сфер интересов, включая признание специальных интересов Германии”* и т. д.

Во-вторых, Советский Союз в августе 1939 года был вовлечён в серьёзный вооружённый конфликт с союзником Германии Японией на реке Халхин-Гол. Общая численность советских и японских вооружённых сил, принимавших участие в боевых действиях в районе Халхин-Гола, составляла более 130 тысяч человек. В военных действиях участвовало около 700 танков, более тысячи орудий и минометов, свыше 1200 самолётов. По сути, шла малая необъявленная война, грозившая перерасти в большую. Следует иметь в виду, что это была уже третья попытка Японии вооружённым путём проверить прочность советских границ.

В-третьих, у Сталина не было альтернативы подписанию Пакта с Германией, так как в противном случае граница СССР с Третьим рейхом сдвигалась бы **на восток на 250–300 км**. Более того, для Сталина не были секретом планы Гитлера, после захвата Польши, оккупировать страны Балтии, благо там правили дружественные профашистские режимы.

В августе 1939 года Советский Союз стоял перед выбором, **пойти на соглашение с нацистской Германией или в будущем воевать на два фронта и войну начинать под Минском и под Ленинградом?** Сталин выбрал первое. Успеху дипломатии Сталина способствовало то, что Гитлер в последний момент остановил выбор на СССР, а не на Англии.

Заключение Пакта с СССР было величайшим просчётом Гитлера, предопределившим крах Третьего рейха. Бывший “наци” № 2 Герман Геринг во время Нюрнбергского процесса постоянно твердил об этой роковой ошибке фюрера. **Последующие события показали, что Пакт в конечном итоге явился большой победой советской дипломатии**. СССР в войне против нацизма получил в союзники Англию и Соединённые Штаты Америки, что

предопределило поражение нацизма. **Пакт позволил Человечеству изменить своё будущее.**

Заявления о том, что Польша устояла бы в схватке с Германией, просто наивны. Хотя Франция и Великобритания 3 сентября 1939 года объявили войну Германии, реально начинать военные действия они не спешили. Великобритания ограничилась вялыми попытками организовать морскую блокаду Германии, а Франция не пошла далее формального объявления войны. Через год она, располагавшая несравненно более мощной армией, нежели польская, была повержена Германией за 6 недель.

Несостоятельны также заявления о том, что без пакта Риббентропа—Молотова войны удалось бы избежать. Гитлер изначально создавал самую мощную в мире военную машину для **расширения немецкого жизненного пространства и уничтожения унизительной Версальской системы.** Для этого летом 1933 года была принята “программа национального вооружения”, лозунгом которой было “пушки вместо масла”. При явном поощрении западных держав Германия за 3 года без единого выстрела стала крупнейшей капиталистической страной в Европе **с населением в 70 млн человек.** Франция в то время **насчитывала 34 млн, Англия — 55 млн человек.** К 1939 году вермахт, насчитывающий более 3,2 млн солдат, подпитываемый экономикой трети Европы, был готов к реализации планов фюрера по расширению “немецкого жизненного пространства”.

В результате победы над Польшей Гитлер расчистил себе путь к границам СССР, а потом **отомстил,** как и обещал, Франции и Англии **за унижения Версаля.** Не случайно капитуляцию Франции в 1940 году Гитлер принял в том же вагоне, в Компьене, где в 1918 году кайзеровская Германия подписала акт о капитуляции. Выходя из этого вагона, Гитлер **приплясывал от удовольствия.**

Некорректны заявления о том, что Пакт, а точнее секретный протокол к нему, преступен, так как предполагал **раздел сопредельных стран.** Западные державы, теша себя надеждой, что мощь нацистской Германии обрушится на СССР, **в течение 4 лет помогали Гитлеру делить Европу и захватить** Рейнскую область, Австрию и Чехословакию. Но по логике современных исторических геростратов, Запад тогда проводил миротворческую деятельность, а вот СССР, пытавшийся отодвинуть опасность от своих границ, был агрессором. И только Черчилль, тогда лишь депутат английского парламента, пророчески заметил в 1938 году: *“Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горести, которую мы будем пить год за годом”* (Черчилль. Вторая мировая война. Кн. I. М., 1991. С. 149.) Заметим, что Черчилль говорил **о расплате Запада, а не СССР,** за предвоенную политику.

Что же касается “секретного протокола” к Пакту, который на Западе стремятся сделать неким жупелом, то перед Второй мировой войной Польша не гнушалась этой практики. 25 августа 1939 года в Лондоне **лорд Галифакс, министр иностранных дел Великобритании, и посол Польши в Великобритании граф Рачинский** подписали Соглашение о взаимопомощи Великобритании и Польши. К этому соглашению прилагался **СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ.** В нём в весьма двусмысленной формулировке упоминались страны (без их ведома): Бельгия, Голландия, Литва, а также Латвия, Эстония и Румыния в случае агрессии против Польши.

Напомним также, что на основании секретных договорённостей в августе 1941 года войска Англии, США и СССР были введены в Иран.

Секретные договорённости, публично осуждаемые Западом, до сих пор являются методом западной дипломатии. В начале 1960-х годов США и Япония заключили **секретный пакт о возможности пребывания американского ядерного оружия** на территории Японии. Это соглашение позволяло американским боевым кораблям и самолётам с ядерным оружием на борту находиться в Японии. Это соглашение могло в любой момент поставить планету на грань войны.

Что же касается сфер влияния, то на современном этапе США, пользуясь своим правом мировой сверхдержавы, уже открыто декларируют **право считать зоной своего влияния весь мир,** в том числе и территории государств, граничащих с Россией. Это не вызывает осуждения западного сообщества. Интересно, как бы оно отреагировало, заяви Россия, что в зону её жизненных интересов входит Канада, Мексика и Панама?

Особо следует высказаться по поводу оценок, данных пакту Риббентропа—Молотова **II Съездом народных депутатов СССР**. Не вызывает никаких сомнений, что **эта оценка является тенденциозной и исторически необоснованной**. Эта оценка вырабатывалась на основе принципа **“PER SE”**, то есть рассмотрение явления, как если бы оно существовало **“само по себе”**, вне связи с предыдущими и возможными последующими событиями. Это абсолютно антиисторичный подход. По-другому и не могло быть. Возглавлял группу народных депутатов, готовивших проект постановления съезда по Пакту, секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, впоследствии признавшийся, что он уже в то время являлся антикоммунистом. Наиболее активными его помощниками в группе были депутаты от Прибалтики.

Соответственно постановление II Съезда НД СССР **явилось и является основным правовым аргументом для заявлений стран Балтии об их оккупации Советским Союзом в 1940 году**. Официально Россия отрицает оккупацию Прибалтики, однако в ряде случаев неудачно ссылается на оценку Пакта II Съездом НД. Если же российское руководство планирует вести конструктивный политический диалог с Прибалтикой, то, видимо, настало время **преодолеть этот правовой нонсенс**. Следует иметь в виду, что Пакт в каких-то частях действует до сих пор. Об этом свидетельствует, например, факт нахождения Вильнюсского края в составе Литовской Республики.

Говоря о правовой оценке Пакта, следует высказаться по поводу так называемой его **аморальности**.

Во-первых, рассуждения на эту тему с современных позиций некорректны. Напомним, что в предвоенные годы английские, французские и американские политики считали за честь общаться с Гитлером. Американский журнал “Тайм”, не предполагая, что Гитлер будет признан величайшим преступником в мировой истории, назвал его **“человеком 1938 года”** (“Time”. Jan. 02, 1939). Кстати, нам сегодня тоже не дано знать, кого из современных “уважаемых” политиков потомки назовут преступником. Кандидатов на это звание немало.

Во-вторых, аморальность ведения переговоров со всеми, кто планирует или совершает преступные деяния, общеизвестна. Тем не менее правительства нередко ведут переговоры с террористами, чтобы выиграть время для спасения заложников. В 1939 году в заложниках политики Запада и Германии оказалась многомиллионная Страна Советов, оказавшаяся **один на один со всем враждебным капиталистическим миром**. В подобной ситуации заключение пакта с Германией было единственным выходом, **гарантирующим СССР время и пространство для подготовки к неизбежной войне**.

В завершение темы Пакта заметим, что польским политикам и историкам, твердящим о том, что Советский Союз 17 сентября 1939 года якобы “вонзил Польше нож в спину”, следует ответить на один вопрос: **Что было бы с Европой и миром, если бы Гитлер в августе 1939 года оккупировал всю территорию довоенной Польши?**

История Второй мировой войны показала, что **значение Пакта** состоит, прежде всего, в том, что удар вермахта в июне 1941 года был амортизирован территориями Западной Украины и Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии. Если бы вторжение в СССР нацистская Германия начала из-под Минска и эстонской Нарвы, вермахт с ходу мог бы взять Ленинград. Далее вся гитлеровская группировка “Север” заворачивала бы на Москву. В этом случае сибирские дивизии вряд ли смогли бы остановить немецкое наступление в декабре 41-го года на столицу СССР. Ну, а далее Япония вступила бы в войну, и, возможно, мировую историю сегодня писали бы историки Третьего рейха.

В случае поражения в 1941 году СССР **Гитлер получал природные и людские ресурсы, а также территорию огромной страны**. Никакая сила тогда не могла бы ему помешать осуществить план завоевания мирового господства. Не вызывает сомнений, что Англия сдалась бы на милость фюрера. Соединённые Штаты предпочли бы традиционно отсиживаться за океаном, пока германские учёные и инженеры не завершили бы создание новых видов оружия: атомной бомбы, межконтинентальной баллистической ракеты, реактивной авиации и т. п. Известно, что в 1945 году Гитлера от массового производства этого оружия отделили лишь месяцы. Получив в 1941 году ресурсы СССР, Германия создала бы новое оружие значительно быстрее. В итоге человечество было бы обречено на нацистское рабство. О том, что Гитлер умел

добиваться поставленных целей, говорят результаты его деятельности в 1933–1939 годах.

Следует признать, что пакт Риббентропа–Молотова был той ценой, которую Польша и прибалтийские государства заплатили за заигрывание с Гитлером. Это, прямо скажем, ничтожная цена, если учесть, что в случае победы нацисты, как подчеркнул Гитлер 17 октября 1939 года, планировали **тщательно зачистить территорию Европы от “евреев, полячишек и остального сброда”** (Хенё Г. Орден “Мёртвая голова”. История СС. С. 360).

Сегодня ряд политиков и историков пыжатыся изо всех сил, пытаясь доказать преступность замыслов и политики довоенного советского руководства. В основном это люди, которым судьба не дала почувствовать тяжкое бремя власти и ответственности за решения, способные изменить не только ход истории страны, но и мира. Каждый из них страдает синдромом футбольного болельщика, суть которого **“мнить себя стратегом, видя бой со стороны”**. Полноте, господа, оценку предвоенным событиям в своё время дали политики мирового масштаба.

Напомним высказывание Уинстона Черчилля, сделанное в 1938 году, о “горестной расплате” Запада. А в феврале 1945 года министр иностранных дел Англии Энтони Иден в своей речи в палате общин признал: **“Может ли кто-нибудь сейчас сомневаться в том, что, если бы в 1939 г. было единство между Россией, Британией и Соединёнными Штатами, которое было создано в Ялте, никогда бы не разразилась эта война?”**.

Будущий Президент США Линдон Джонсон, выступая в 1947 году в палате представителей, заявил: **“Франция могла остановить Гитлера, когда он вторгся в Саарскую область. Франция и Англия могли бы предотвратить оккупацию Австрии, а позднее не дать нацистам захватить Чехословакию. Соединённые Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию”**.

Завершить экскурс в историю Польши и Европы следует разоблачением заявлений польских политиков о том, что Сталин стремился уничтожить Польшу как государство. Это ложь. Другое дело, Сталину не нравилось, что СССР на Западе граничит с государством, руководство которого целенаправленно ведёт враждебную политику. Кстати, точно так рассуждал в отношении России маршал Пилсудский. Только он хотел Россию расчленить и уничтожить как государство, Сталин же хотел иметь соседом **дружественную и сильную Польшу**. Кстати, оба руководителя некогда вылупились из одного и того же социалистического гнезда. Пилсудский тогда носил партийную кличку “Товарищ Виктор”, а Сталин – “Коба”. Характеры и внешность обоих были весьма схожими.

Но Сталин в отношении Польши занимал достаточно доброжелательную позицию. На Ялтинской конференции 6 февраля 1945 года он заявил: **“...для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.**

...Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надёжно закрыт изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства”.

У. Черчилль соглашался с утверждением Сталина о том, что, **“имея общие границы с Польшей, Советский Союз имеет право добиваться дружественного правительства в Польше и никогда не сможет одобрить враждебного правительства. К этому обязывает, помимо прочего, кровь советского народа, обильно пролитая на полях Польши во имя её освобождения”**.

В своей телеграмме британскому МИДу Черчилль так оценил роль СССР в судьбе Польши: **“Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стёрта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать. ... Нации, которые оказались не в состо-**

янии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас”.

Однако Армия Крайова, действовавшая по указанию лондонского эмигрантского польского правительства, в период освобождения Польши Красной Армией занимала крайне враждебную позицию в отношении СССР. Об этом свидетельствует приказ, изданный в сентябре 1944 года руководителем Варшавского восстания генералом Бур-Комаровским. Этот приказ был расклеен на стенах домов Варшавы. Приведём только его концовку: “Поляки, решительный момент нашей героической борьбы потребует от всех непоколебимой веры в победу, готовности к жертвам во имя нации и дисциплины перед руководством. Провозглашаю следующий приказ:

Большевики перед Варшавой. Они заявляют, что они друзья польского народа. Это коварная ложь. Наша окраина, Вильно и Люблин взывают к мести. Большевицкий враг встретится с такой же беспощадной борьбой, которая поколебала немецкого оккупанта. Действия в пользу России являются изменой родине. Час польского восстания ещё не пробил. Приказы советских приспешников аннулирую. Коменданта Армии Крайовой обяжал подавить всякие попытки поддержки Советов. Немцы удирают. К борьбе с Советами. Да здравствует свободная Польша. Бур – Главный Комендант вооружённых сил в стране” (ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 178503. Д. 4. Л. 127–130).

СССР не только спас Польшу от нацистского рабства и уничтожения. Он в значительной степени компенсировал тот территориальный ущерб, который Польша понесла в сентябре 1939 года. Уже в ноябре 1943 года на Тегеранской конференции **Сталин предложил** взамен возвращённых СССР западных областей Украины и Белоруссии передать Польше бывшие немецкие территории в Восточной Пруссии и Силезии. Сталина поддержал Черчилль. “Следует сказать полякам, что русские правы, что ими предлагается справедливая и выгодная сделка”, – признал британский премьер-министр. И пообещал, что скажет полякам, что если они не примут предлагаемой границы, то будут дураками.

В 1945 году Польша получила более 100 тысяч кв. км территории. Правда, её вряд ли можно назвать “исконно польской”. Однако в 1939 году Польша потеряла 196 тысяч кв. км территории (20 тысяч кв. км этих территорий были возвращены Польше в 1945 году), которая также никогда не была “исконно польской”. Они вошли в состав Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 года, как “приданое” “Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных... Сегодня эти территории по историческому и этническому праву принадлежат Белоруссии и Украине. Но и Польша, благодаря позиции Сталина, не обижена в территориальном плане.

Однако в Польше предпочитают помнить не о советских, а о нацистских союзниках. Иначе как понимать тот факт, что до сих пор почётными гражданами городов Щецин, Колобжег, Легница, Ольштын и других до сих пор являются **нацистские бонзы**. Так, в списке почётных граждан Гданьска, размещённом на официальной интернет-странице города, фигурирует **А. Гитлер**. Там же – **рейхсмаршал Г. Геринг и гауляйтер Гданьска А. Форстер**.

В этой связи польским политикам, обвиняющим СССР в союзничестве с Гитлером, а Россию в попытках “обелить сталинский режим”, хочется напомнить старую библейскую истину: **“Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего”** (Матф., 7:5).

60 лет Сергею Александровичу ТРАХИМЁНКУ!

Талантливый прозаик, знакомый читателям “Нашего современника” по острозаметным произведениям, не раз публиковавшимся в нашем журнале, встречает юбилей в расцвете творческих сил. В России и Беларуси, где он сейчас проживает, вышло несколько его новых книг. Такой же творческой продуктивности, здоровья, долголетия желаем ему и впредь.

Редакция